

≈ 125 мин

Источник

Представляем вашему вниманию перевод **введения** и **первой части** крупной работы китайского коллектива «**Chuǎng**», описывающей переход Китая от так называемого протосоциалистического режима к капитализму. Эта работа — своеобразное продолжение статьи тех же авторов «**Сорго и сталь**» о строительстве социализма в КНР; к сожалению, последняя пока не переведена на русский. Оригинальное название можно интерпретировать двояко: «dust» — не только «пыль» (как в китайской поговорке), но и «прах» (протосоциалистического режима).

В первой главе авторы уделяют внимание не столько Китаю, сколько окружающим его странам и их развитию в XX веке. Приведённые ими сведения необходимы для корректного анализа ситуации, который публицисты проводят в последующих главах. Кроме того, они будут интересны читателю, не занимающемуся тематикой Дальнего Востока, и сами по себе.

ОБИТЕЛЬ ОТШЕЛЬНИКА

ОТШЕЛЬНИЧЕСТВО

Когда кочевые армии пришли с севера, дабы завоевать то, что ещё осталось от империи Западной Цзинь, часть правящего класса перешла Хуанхэ, направившись в южные районы своей разваливающейся империи. Там они воссоздали императорский двор в Цзянькане (современном Нанкине), объявив его новой столицей династии. Но новая империя так называемой Восточной

Цзинь существовала скорее на бумаге, чем в действительности. Власть оставалась децентрализованной, что обуславливалось постоянными трениями между различными группировками бежавших северян. Обосновавшись в разных регионах юга, представители правящего класса замкнулись в автономные военные и экономические единицы. Сами эти группировки зависели от хрупких союзов с южными феодалами (отличавшимися от них в культурном плане) и различными группами коренных народов, постепенно спаянных друг с другом через бракосочетания и военные походы. В разгар этой «балканизации» стремление вернуть утраченные северные земли лишь незначительно спланивало охваченный паранойей двор. Едва способный мобилизовать властный ресурс, необходимый для сбора налогов, он был ещё меньше способен собрать армию, способную противостоять «варварским» королевствам, возникшим на севере. Оглядываясь назад, можно сказать, что недолгое правление этой династии ознаменовало собой один из последних этапов в многопоколенческом упадке империи, следовавшем за крахом династии Хань и предшествовавшем восхождению династии Тан¹.

Но именно в контексте этого упадка и децентрализации и появился архетип восточноазиатского «отшельника». Несмотря на то, что практика отшельничества имеет долгую историю, восходящую ещё ко временам задолго до империи², именно в период Восточной Цзинь империя и отшельничество стали неразрывно связанными явлениями. Оставшись без дела при немоющем дворе в Цзянькане, большинство северян бежали в свои огромные владения во влажных лесах Юга в сопровождении слуг, рабов и наложниц, где они создали относительно автономные сельскохозяйственные комплексы с прекрасно возделанными прогулочными маршрутами и парками. Свободные от тягот

имперского администрирования, они проводили время с друзьями в прекрасных резных павильонах, построенных над их парками и плантациями, предаваясь пиршествам и возлияниям и сочиняя стихи о красотах простой жизни в единении с природой. Такие поэты, как Се Линъюнь (он принадлежал к двум видным родам Восточной Цзинь), могли представить себя в образе отшельников и древних мудрецов, даже несмотря на то, что их (часто желанная) ссылка проходила в роскошных особняках, построенных руками подневольных рабочих. Таким образом, правильно было бы сказать, что отношения между отшельниками и империей в действительности никогда не носили антагонистический характер. Сам Се видел эти владения как миниатюрные империи, построенные по образцу павшей династии Хань³. Тем временем, почти все крупнейшие поэты этого периода постоянно циркулировали между двором и деревней, а отшельничество всё более превращалось в типичный этап жизни имперского чиновничества.

К моменту окончательного воссоединения под эгидой династии Тан отшельничество стало повсеместной практикой: будущие должностные лица соревновались между собой в добродетелях уединения в надежде заполучить ту или иную должность при дворе. Такие знаменитые поэты, учёные и чиновники, как Ли Бай, собирались, к примеру, в скитах в горах Чжуннань, часто в сопровождении имперских вербовщиков. Централизация политической власти, таким образом, сопровождалась ещё более энергичным слиянием отшельнического и имперского, слиянием, в котором даже отшельникам, отстранённым от придворной жизни, поручалось следить за бесперебойным потоком дани из периферийных районов империи. Тем не менее, в продолжение этого процесса литераторы по-прежнему использовали внешние атрибуты своих

предшественников из Восточной Цзинь, восхваляя духовное уединение деревенской жизни и осуждая столичные и придворные интриги. Несмотря на то, что Ли Бай был верным слугой императора при династии Тан, он мог представить себя в *«мире, находящемся за пределами красной пыли жизни»* — это метафора для состояния отстранённости, так характерного и для буддистского учения, и для сельского отшельничества вдалеке от суеты городских улиц.

НАЦИЯ ОТШЕЛЬНИКОВ

На аналогичных противоречиях строился и процесс формирования Китая в рамках социалистического проекта. Изоляционизм Китая, одновременно плацдарм для мировой революции и автаркической нации, закрытой для капиталистической экономики (а позже и для торговли с бывшими советскими союзниками), носил противоречивый и обманчивый характер. На излёте социалистического изоляционизма лозунг *«опоры на собственные силы»* (自力更生) педалировался с особым усердием. Стремление к самодостаточности, однако, сопровождалось окостенением производства, вследствие которого на местах всё чаще раздавались призывы к устранению автаркии как на национальном, так и на международном уровне. Экономика подверглась всепроникающей децентрализации, колхозы и городские промышленные зоны превратились в подобие затворнических монастырей: рабочие и крестьяне стали зависеть от местных производственных центров, предоставляющих им пропитание, жильё и основные потребительские товары. Они оторвались и от непосредственного обеспечения со стороны правительства, и от косвенного — со стороны национального рынка. В то же время самое широкое распространение получил

чёрный рынок, важнейшие виды средств производства становились всё менее доступными или просто исчезали, а китайско-советский раскол превратил почти всю границу в потенциальный военный фронт. Эти поздние отшельнические десятилетия социалистической эпохи были одновременно периодом подготовки к грядущему «открытию» Китая для глобального рынка.

Эпоха реформ часто изображается как неслыханный поворот, осуществлённый узкой прослойкой партийной элиты и закончившийся «китайским чудом», — катапультированием страны на передовую глобального производства. В действительности же стремительное подчинение Китая капиталу было подготовлено структурными условиями, пронизывающими и опоясывающими отшельническую нацию, её автаркическими устремлениями в рамках социалистического проекта, которые, в конечном счёте, были отделены от устремлений глобального капитала лишь в той же мере, в которой практика отшельничества среди китайских средневековых литераторов была отделена от придворных интриг их капиталов в столице. И если работа «Сорго и сталь», первая часть нашего исследования экономической истории страны⁴, исследовала внутренний характер социалистического проекта и формирование китайской нации, то в данной работе мы фокусируемся на тех глобальных условиях, которые в конечном счёте сумели затащить отшельническую страну социалистического проекта в красную пыль капиталистического производства. Наш основной тезис заключается в том, что, так же, как в случае с отшельниками Восточной Цзинь, практика отшельничества и имперский экспансионизм совсем не обязательно должны противоречить друг другу. Возвышение реформистской фракции в Коммунистической партии Китая (КПК) представляется внезапным только для тех, кто принимает поэзию отшельника

за чистую монету, забывая о том, что часто отшельничество является лишь одним из этапов в жизни имперских бюрократов.

Здесь мы обращаемся к истории Китая с учётом её места в глобальной сети резервов рабочей силы и стоимостных цепочек. Наше внимание, таким образом, смещается с внутренних вопросов, рассмотренных в работе «Сорго и сталь», на внутренний и внешний ракурсы, которые будут необходимы нам для понимания тех параллельных организационных структур, функционирование которых способствовало постепенным реформам в Китае. Мы изучим как внутренние, так и внешние факторы, которые подталкивали Китай к открытию своей экономики в последние годы социалистической эпохи, а также неравномерный и неполный характер запущенного в 70-е перехода к капитализму. Эта история, несмотря на некоторый туман, напущенный «евангелическим» либерализмом прошлого века, не была подвергнута столь значительным искажениям, как это было с историей предшествовавшего ей протосоциалистического режима. Бóльшая часть истории эры реформ уже отлично задокументирована в научных работах экономического мейнстрима. Таким образом, здесь мы попытаемся обобщить существующие исследования и поместить их в рамки качественного марксистского анализа, особо подчёркивая те аспекты, которые могли бы помочь нам понять мировой капитализм в его нынешней форме.

СХОДЯЩИЕСЯ КРИЗИСЫ

Ниже мы попытаемся последовательно разобрать ключевые темы, свободно сгруппированные в тематические разделы. Эти разделы в общем отражают хронологию перехода к капитализму в Китае. Так или иначе, главной темой нашей работы является идея сходящихся кризисов. Мы стремимся рассказать

историю множества непредвиденных обстоятельств, которые легли в основу «китайского чуда», явления, которое не было ни чудесным, ни в полной мере китайским. В рамках подобной интерпретации «чудо» понимается нами как обычная реакция на двойственный кризис, переживаемый, с одной стороны, протосоциалистическим режимом Китая, с другой, — глобальной капиталистической экономикой. Эндогенный кризис китайского режима достиг своей высшей точки в 70-е, что в значительной степени было обусловлено внутренними ограничениями социалистического проекта, уже изученными в работе «Сорго и сталь»⁵; кризис этот, однако, усиливался за счёт усиливающейся геополитической изоляции вкуче с маячащей угрозой войны с СССР. В то же время глобальное капиталистическое производство столкнулось с первым значительным замедлением темпов роста со времён Великой депрессии. К концу 70-х все попытки справиться с нарождающимся кризисом при помощи обычных для послевоенного периода стимулирующих мер провалились. По мере того как рост замедлялся, безработица росла, а инфляция галопировала, структурные реформы, которые были проведены в ближайшее время в попытке восстановить уровень прибылей (позже эти реформы получили название «неолиберальные»), начали вырисовываться на горизонте. Но наряду с этим в среде правящего класса было и понимание того, что если эти реформы охватят только страны капиталистического ядра, то это приведёт к понижению зарплат, выхолащиванию системы социального обеспечения, создаст опасные объёмы долгов и тем самым спровоцирует массовое недовольство. Социальные движения и восстания поздних 60-х уже могли дать общее представление о последствиях такой дестабилизации; в контексте же Холодной войны дестабилизация несла с собой реальную угрозу катастрофического вооружённого конфликта.

Чтобы капиталистическое накопление смогло продолжаться, экономика должна была совершить небывалый скачок, подчиняя слаборазвитые страны и создавая такие промышленные комплексы, которые соответствовали бы всё увеличивающемуся объёму и скорости производства. Ожидалось, что эти процессы смогут восстановить (хотя бы на время) падающую прибыльность и помогут ослабить недовольство в странах ядра, предоставляя дешёвые потребительские товары и доступные кредиты в обмен на урезание социальных расходов и падение зарплат. Этот процесс уже был запущен в Восточной Азии с опорой на экономический подъём Японии и активную поддержку Соединённых Штатов. По мере того как кризис нарастал, капитал всё более склонялся в сторону Тихоокеанского рубежа. Важную роль в обозначенном процессе сыграли геополитика Холодной войны в сочетании с той новой экономической ролью, которую играла Япония в восхождении «азиатских тигров», осуществлявшемся под руководством антикоммунистических диктатур (или колониальных режимов, как в Гонконге), а также при помощи притоков американско-японских инвестиций.

Это момент, когда внутренний кризис китайского режима пересекается с затяжным кризисом глобального капитализма. Если пользоваться терминологией экономического мейнстрима, китайская дешёвая рабочая сила могла предоставить «сравнительное преимущество» на ключевых этапах производственного процесса в лёгкой промышленности. Но этот взгляд отражает только часть картины. Открытие Китая было началом широкомасштабного процесса подчинения китайского труда глобальному капиталу, процесса, движимого нарастающей потребностью экспортировать товары первой необходимости, а позже и капитал, из развитых экономик,

страдающих перепроизводством. Вслед за ранним развитием капиталистического производства в других восточноазиатских странах Китай смог предоставить огромные пространства для инвестиций, а также обученную и дешёвую рабочую армию, беспрецедентную по своим размерам. Трудовой ресурс, брошенный в глобальное капиталистическое производство, по своей численности почти равнялся сумме всех трудовых ресурсов развитых стран⁶. Более того, эта рабочая сила была продуктом социалистического проекта, поэтому значительная часть первоначальных издержек не стоила капиталистической системе ровным счётом ничего. В то же время издержки, связанные с её (рабочей силы) воспроизводством, можно было спихнуть во внутренние районы, где всё ещё господствовало натуральное хозяйство (по крайней мере, на первых порах). Таким образом, огромная масса китайского рабочего населения помогла возродить старую, восходящую к временам империи Мин, мечту Запада о безграничном рынке, способном не только двигать капиталистическое производство, но и поглощать растущий излишек, образующийся в этом процессе.

Пытаясь выяснить природу обозначенных процессов, мы всегда рискуем приписать слишком большую роль президентам, директорам и миллиардерам. Реальность, однако, такова, что решения, принимаемые за штурвалом государств и корпораций, чаще всего являются лишь ответной реакцией на те реальные пределы, с которыми сталкиваются сложные политико-экономические системы. «Правящий класс» — это лишь кодовое слово для неоднородной группы лиц, занимающих руководящие позиции в этих цитаделях политико-экономической власти, для которых сохранение статус-кво является первостепенной задачей. Тем не менее, положение этих лиц находится в

прямой зависимости как от пожеланий акционеров (ради повышения прибыли), так и от требований правящих кругов (сохранить минимальный уровень стабильности и благосостояния — требование не столько того, чтобы положение вещей стало лучше, сколько того, чтобы оно не ухудшилось слишком быстро). За подобными решениями мы не обнаружим какого-то злого умысла. Более того, те, кто принимают подобные решения, вообще не способны изменить эту систему или выйти за её рамки. Они прикованы к ней так же, как и мы, только вот прикованы они к её вершине.

Весь процесс, таким образом, представляет собой скорее последовательный ряд приспособлений, нежели некий заговор правящего класса. Результаты этого процесса оформились в процессе длительного экспериментирования, в ходе которого различные фракции правящего класса пытались разрешить проблему нарастающего кризиса. Не справившись с этой задачей, они уступили своё место новому поколению лидеров с принципиально новыми решениями, которые, в свою очередь, имели свои далеко идущие последствия. Весь процесс представлял собой длительный метаморфоз, совершившийся в ответ на местные проявления глобального понижения прибыльности. «Неолиберализм», таким образом, является не полностью продуманной политической программой, как считают некоторые авторы⁷, но скорее лишь термином, обозначающим рыхлый консенсус вокруг ряда локальных решений по поводу урегулирования кризиса, — решений, которые на тот момент, как казалось, работали. Тем не менее, продолжительный рост и усиливающаяся милитаризация госаппарата являлись симптомами значительной шаткости такого консенсуса, поскольку регулирование вечно растущего, вечно откладываемого, однако вечно присутствующего кризиса с каждым годом становилось всё более тяжёлой

задачей. Сегодня мы, наконец, достигли той точки, когда этот консенсус разрушается на фоне ухудшения состояния мировой торговли и растущего популизма. Но развитие этого уходящего ныне в прошлое консенсуса остаётся историческим фоном для процесса подчинения экономики Китая циклам глобального накопления капитала.

В период, который мы рассматриваем ниже, геополитика играла ключевую роль в сближении двух кризисов. Более того, это был один из тех коротких моментов в китайской истории, когда решения отдельных лидеров (хотя и действующих в ответ на вызовы своего времени) действительно изменили курс истории на последующие десятилетия. И если в действительности был момент, когда сходящийся кризис приобрёл осязаемые черты, то этот момент следует отнести к событиям пограничного конфликта на острове Даманский в 1969 году. В нём было задействовано двадцать пять дивизий советской армии (порядка 200 тысяч солдат), развёрнутых на китайской границе. Эти события привели Китай и СССР на грань полномасштабной ядерной войны, и, даже несмотря на то, что войны удалось избежать, именно после этого инцидента советско-китайские отношения были окончательно разорваны, что положило конец пятидесяти годам сомнительной дипломатии между двумя крупнейшими державами в социалистическом блоке. В контексте Холодной войны эти события также ознаменовали собой ранний поворот Китая в сторону Соединённых Штатов.

В противовес тем, кто считает началом эпохи реформ 1976 г., год смерти Мао Цзэдуна, а также тем, кто этим началом считает приход к власти Дэн Сяопина в 1978 году, мы настаиваем на том, что поворот к капитализму в действительности начался в 1969 году, в конце «короткой» Культурной

революции, когда пограничный конфликт на острове Даманский привёл к окончательному разрыву отношений с СССР и инициировал начало неформального диалога с Соединёнными Штатами, за которым уже в 1971 г. последовал диалог официальный. Несмотря на то, что проведение реформ началось только при Чжоу Эньлае и завершились под руководством Дэн Сяопина, важно понимать, что важнейшие геополитические решения, которые были приняты ещё при жизни Мао, подвели достаточно широкую базу для тех действий, которые были предприняты партийной верхушкой после его смерти. Будучи изначально элементом более глобальной политической стратегии, нацеленной на обретение передовых средств производства для того, чтобы приостановить экономическую стагнацию протосоциалистического режима — частичное «открытие», дабы сохранить статус-кво, — эти меры вызвали к жизни неконтролируемый процесс, в ходе которого экономика страны становилась всё более зависимой от поставок с мирового рынка (в основном сельскохозяйственных средств производства), что в дальнейшем привело к требованиям ещё большей либерализации. Несмотря на то, что подобный политический манёвр быстро обратился в полномасштабную капитуляцию перед глобальным рынком, политика частичного открытия уходила своими корнями в социалистическую эпоху, к неоднократным попыткам правительства преодолеть ограничения переходного режима.

КАМЕНЬ ЗА КАМНЕМ

Вслед за тем как регион перестраивался под давлением капитала, Китай начал переориентироваться на восток, на побережье. Несмотря на то, что рыночные реформы проходили в форме коротких циклов (2–4 года) экспериментирования

и экономии, нам представляется возможным разделить этот период на три стадии примерно по десять лет. Ни в коем случае они не были продуманными этапами какой-то единой стратегии. Но завершаясь, каждая стадия вносила в систему всё новые элементы, подталкивавшие страну к продолжению реформ. Первая стадия, с 1969-го по 1978-й, определялась политическими решениями. Внутри это был период растущего окостенения. После крушения «короткой» Культурной революции в 1969-м производство, распределение, а с ними и само общество всё больше регулировались государством при помощи военных сил. Кадровый состав в этот период вырос до небывалых размеров, а экономика страны приобрела отчётливо военизированный характер. Все эти изменения проходили в рамках т. н. стратегии «Третьего фронта», направленной на то, чтобы перенести промышленность Китая в более защищённые горные районы. Это десятилетие было ознаменовано последним «большим рывком» протосоциалистического режима. В то же время были предприняты первые попытки импортировать оборудование из капиталистических стран — этот процесс стал возможным только благодаря более значительным геополитическим сдвигам, упомянутым ранее. Страна всё ещё сохраняла черты социалистического проекта, но этот период стал временем политического открытия и первых осторожных экономических реформ. Тем не менее, если не считать небольшого импорта в ключевых отраслях, взаимодействие с глобальной капиталистической экономикой по сути пока ещё не имело места.

Вторая стадия охарактеризовалась реформами национальной экономики. Этот период может быть примерно датирован от прихода Дэн Сяопина к власти в 1978-м до событий на площади Тяньаньмэнь в 1989-м. Главными вехами этих реформ можно назвать введение системы ответственности домохозяйств в

аграрной сфере, возрождение сельских рынков и восхождение сельских, посёлковых и деревенских предприятий (乡镇企业) в качестве наиболее быстро растущего сектора промышленности. Внутренний рост всё ещё значительно превышал внешнюю торговлю. Китай сохранил несколько слоёв изоляции от глобального рынка, локализируя прямые контакты в специальных экономических зонах (СЭЗ), самой главной из которых был Шэньчжэнь, поскольку он играл роль буфера между материком и Гонконгом. В этот период у Китая не было своей фондовой биржи, права собственности на местные компании зачастую оставались размытыми, а иностранные права собственности всё ещё существовали только в пределах СЭЗ — и даже там они были сильно ограничены. Гонконг был основным источником прямых инвестиций на протяжении всего этого периода. На него приходилось более половины всех прямых иностранных инвестиций за каждый год с 1979-го по 1991-й, и он обогнал в этом Японию с большим отрывом⁸. Помимо прямых инвестиций, значительная часть вложений в Гонконг состояла из косвенных инвестиций с Тайваня и капитала, принадлежавшего членам китайской диаспоры за рубежом. Эти инвестиции эти проводились через сложную финансовую систему Гонконга, дабы избежать запретительных мер со стороны правительства. Таким образом, вторая стадия реформ проходила при активном содействии как азиатского капитала, так и капитала, извлечённого из более широкого «Китайского мира» и зачастую координируемого сетями, простиравшимися за границу⁹. Именно в этот период обрела свою окончательную форму верхушка капиталистического класса, поскольку разросшиеся сети капитала начали сливаться со старым бюрократическим классом, сумевшим закрепиться у рычагов власти.

Третья стадия реформ датируется примерно с 1990-го до ранних 2000-х. Этот

период отчётливо характеризуется международным характером взаимоотношений и может рассматриваться как окончательный переход к капитализму с точки зрения как интегрирования в рынок, так и формирования классов, несмотря на остатки натурального хозяйства в деревне¹⁰. Подавление протестов в 1989-м закончилось выборочным включением мятежных студентов в ряды партии и отныне контролируемого ею правящего класса. Это было десятилетие, когда верхушка протосоциалистического режима начала действовать как руководящий центр капиталистического класса в соответствии с основным интересом капитала — непрерывным накоплением. И это несмотря на прямое слияние этого правящего класса с государством (по факту же — благодаря ему). Этот период также ознаменовался полной интеграцией китайского производства в систему глобального капитализма. Последовавшие за резнёй на площади Тяньаньмэнь девяностые открылись всплеском инвестиций из Японии, Тайваня и Республики Корея. Важную роль продолжал играть и Гонконг. Первые фондовые биржи были официально открыты в Шэньчжэне и Шанхае в 1990-м¹¹. Несмотря на то, что прямое инвестирование из Европы и США всё ещё составляло лишь малую долю от общего числа инвестиций, экономика Китая становилась всё более экспортно-ориентированной, а пункты назначения для её продукции всё чаще находились на Западе. Множество этих сельских предприятий, находившихся в прибрежной зоне, подверглись серьёзной реорганизации, чтобы как можно лучше обслуживать новые стоимостные цепочки. Это, в свою очередь, привело к массовой волне индустриализации пригородов, в процессе чего образовались расплзающиеся китайские мегаполисы, которые мы можем наблюдать сегодня. Этот период — как и вообще эра реформ — был отмечен потрошением старого

социалистического промышленного пояса на северо-востоке. Закрывались фабрики, проводились массовые увольнения. Вслед за реформой сельского хозяйства, начиная с 1997 года, последовало уничтожение системы «железной миски риса», привилегированное положение промышленных рабочих, питавшихся зерном, быстро сошло на нет, а классовая структура старого режима была окончательно разрушена. Правительство сумело ослабить урон, нанесённый рабочим реформой, временно установив твёрдые закупочные цены на зерно и переложив часть груза реформ на плечи сельского населения, но это был лишь тактический ход, предпринятый, дабы уменьшить риск беспорядков в городах. В то же время многие сельские предприятия, возникшие в бедных районах в 1980-х, обанкротились, после чего были приватизированы или просто закрыты государством в рамках более широкой волны ликвидации фабрик. Сельские предприятия, таким образом, выступали в качестве переходного звена, сыграв тем самым ключевую роль в процессе реформирования промышленного сектора, поскольку приватизация этих предприятий способствовала росту рыночной экономики в некоторых сферах и краху в других, что способствовало формированию значительных скоплений резервной рабочей силы в сельской местности, которая затем могла быть поглощена производственными узлами побережья. Потрошение «ржавого пояса» сопровождалось значительной реструктуризацией государственных отраслей: предприятия и отделы планирования были объединены в несколько больших «конгломератов» (国企). Эти «конгломераты» были спроектированы при поддержке западных финансовых кругов и профинансированы путём публичного размещения акций (IPO) на мировых биржах. Предприятия, ещё остававшиеся государственными, вместе с предприятиями из частного сектора всё чаще действовали по логике капиталистических отношений. В то же время

окончательно оформилась китайская рабочая сила — комбинация из пролетариев-переселенцев, заполонивших частные предприятия восточного побережья, и новых пролетариев, нанимаемых с санкции буржуа-бюрократов из КПК конгломератами, финансируемыми из-за рубежа.

Мы можем (конечно же, примерно) назвать концом этой финальной стадии реформ 2001 год, когда Китай наконец-то вошёл во Всемирную торговую организацию, а занятость в обрабатывающей промышленности из-за очередной реструктуризации достигла своего исторического минимума (11% от численности рабочей силы), после чего новая волна экспортно-ориентированного роста на восточном побережье вернула её на новую, уже в полной мере капиталистическую, высоту. Но периодизация всегда характеризуется неравномерным характером развития. Утверждая, что переход к капитализму в Китае был завершён к первым годам нового тысячелетия, мы не хотим тем самым сказать, что капиталистические отношения окончательно проникли во все сферы общества. В деревне и небольших внутренних городах полный переход всё ещё не был в полной мере завершён к 2008-му и даже позже. Мы выбрали 2001 год, хоть эта дата в некоторой степени и условна, поскольку он является достаточно показательным во всём ряде лет перехода к капитализму. Географически процесс этот был сосредоточен в крупнейших прибрежных городах, но не ограничивался ими. Тем не менее, именно в указанный период эти города стали центральным звеном китайской экономики. Переход был завершён именно в эти годы, поскольку уничтожение системы «железной миски риса» и значительный рост миграции из деревни способствовали окончательному образованию нового класса пролетариев. Закончился период созревания капитализма, и теперь, когда окончательно

сложился новый классовый состав китайского общества, развёртывание капиталистических противоречий смогло получить ход. Переход на большей территории Китая оказался завершён, и рано или поздно прибрежные города всё равно бы затащили даже самые упрямые области страны на рынок. Попытка Китая осторожно зайти на орбиту капиталистического мира потерпела неудачу, и резкое открытие экономики стало неминуемо.

Мы разделили этот материал на четыре части, чередуя повествование о внешних и внутренних событиях этих трёх десятилетий. Каждая часть охватывает определённый период времени без чётких разграничений между ними, чтобы читатель мог лучше сориентироваться в тексте, однако мы часто делаем прыжки во времени, дабы лучше осветить некоторые общие тенденции. В целом же повествование будет вестись в хронологическом порядке. В первой части мы рассматриваем серию исторических прецедентов в регионе (начиная с XIX века), медленное перемещение капитала на Восток и кризисы, которые ему способствовали, заканчивая восхождением Японии и экономик примкнувших к ней стран в 1970-е. Во второй части мы обращаемся к внутренним проблемам, анализируя кризис протосоциалистического режима в 60-х, затем исследуем десятилетие окостенения, реформ и ряда геополитических конфликтов. Затем мы движемся через последовавший этап частичных реформ 80-х, когда рынок ещё только начал складываться. В третьей части мы возвращаемся к международной ситуации в конце 70-х, исследуя восхождение «бамбуковой сети» капиталистов, сумевших создать противовес гегемонии Японии в регионе и завершить серию экономических кризисов, способствовавших вклиниванию материкового Китая в сердце производственных цепочек, заканчивая периодом, следовавшим за азиатским финансовым кризисом 1997–1998 гг. Далее, в

четвёртой части, мы завершаем материал, возвращаясь к обстановке в самом Китае в последние два десятилетия перехода к капитализму, и рассматриваем те циклы взлётов и падений, которые в конечном счёте привели к опустошению деревни, массовому переселению в новые прибрежные центры производства, потрошению старых промышленных районов и складыванию нового, капиталистического, классового состава в начале 2000-х.

МАТЕРИАЛЬНАЯ ОБЩНОСТЬ

В наши дни эпоха отшельнического социализма канула в Лету. Все отшельники вернулись к красной пыли города, а их утопии распались и были интегрированы в материальную общность капитала. Но это также значит, что существующая структура глобальной капиталистической экономики была сформирована под влиянием поглощения им протосоциалистического режима. Дабы понять ближайшее будущее капиталистического способа производства, нам, следовательно, необходимо понять этот переходный процесс. Особый интерес представляют те элементы социалистического режима, которые прошли процесс экзаптации в рамках перехода к капитализму. Термин «экзаптация», позаимствованный из эволюционной биологии¹², обозначает процесс, когда у какого-либо вида те или иные структуры, изначально приспособленные для одних целей (напр. перья, использовавшиеся для регулирования температуры) впоследствии задействуются для того, чтобы служить совершенно другим целям (перья для полёта). Схожим образом многие особенности протосоциалистического режима были задействованы, дабы играть важную роль в капиталистической экономике. Учёт успешного использования этих экзаптированных механизмов поможет нам объяснить удивительные темпы

роста в капиталистический переходный период, а также задать направление для понимания того, как само капиталистическое производство проходит ряд эволюционных ступеней в ответ на продолжительный кризис.

Описывая внутренний кризис и последовавшие за ним реформы, мы уделяем процессу экзаптации центральное место в нашем повествовании. Экзаптация этих черт, позже ставших предельно важными для китайского капитализма, была в значительной степени связана с перекомпоновкой классового состава Китая на капиталистический манер. Внизу это предполагало использование системы *hùkǒu* (регистрации права на жительство) для того, чтобы создать популяцию сельских переселенцев-пролетариев, которыми можно было бы наспиговать стремительно развивающиеся промышленные предприятия восточного побережья. Точно так же коллективное хозяйство сохранилось в виде системы ответственности домохозяйств до тех пор, пока права на землю окончательно не вошли в оборот в 2008-м. Подобный манёвр сильно облегчил правительству проведение рыночных реформ на селе. Вверху все эти процессы были сопряжены с оприходованием социалистической партийной системы; этот процесс характеризовался слиянием политических и профессиональных элит в единый правящий класс, тесно связанный с КПК, и закончился наплывом предпринимателей в партию в конце 90-х.

Рядом с этими изменениями имела место другая ключевая экзаптация — в промышленной сфере. В то время как в государственном секторе происходила реструктуризация, многие предприятия в таких ключевых сферах промышленности, как металлургическая, горнодобывающая и энергетическая, так и не были окончательно приватизированы. Вместо этого государственная

собственность была экзантирована, и новые конгломераты были переоборудованы и рекапитализированы, дабы оставаться конкурентоспособными на международном рынке. В то же время эти конгломераты сохраняли политическую лояльность партии, ставшей теперь руководящим органом капиталистического класса. Несмотря на то, что представители старого рабочего класса постепенно выходили на пенсию или пролетаризировались, а многие маленькие или нерентабельные предприятия просто-напросто закрывались, госпредприятия в конечном счёте сыграли ключевую роль на поздних этапах перехода. Сегодня эти предприятия имеют немаловажное значение для мировой экспансии китайской экономики. В то же время они являются местами, в которых одновременно сходятся множество кризисов: растущий долг, перепроизводство и экологические катастрофы вытесняются за пределы частного сектора и концентрируются на участках, более-менее подконтрольных правительству.

Это история о том, как многие черты отшельнического социализма Китая стали фундаментальными компонентами его космополитического капитализма. Анализ социалистической эпохи, предоставленный нами в работе «Сорго и сталь», является недостаточным, поскольку рассматриваемый период ни в коем случае не происходил в вакууме. Отшельник вернулся из леса, но теперь, по прошествии времени, можно с уверенностью сказать, что уход этот никогда не носил абсолютного характера. В обществе капитала не может быть никакого настоящего отшельнического королевства. Всё окружено капиталистическим накоплением — этой красной пылью живых мертвецов, и все, кто пытается сбежать, в конце концов возвращаются к нему. Будущему коммунистическому проекту, таким образом, не найти спасения в отшельничестве. В этой части

нашей экономической истории мы пытаемся лучше понять современное общество в надежде на то, что такое понимание поможет нам покончить с ним раз и навсегда.

ТИХООКЕАНСКИЙ РУБЕЖ. МИРОВАЯ ОБСТАНОВКА С 1870-Х ПО 1980-Е

ОБЗОР. ОКРУЖЕНИЕ

Дабы полностью понять сходящиеся кризисы, в результате которых Китай был инкорпорирован в капиталистическую систему, нам нужно составить себе чёткое представление как об общих тенденциях глобального капитализма, так и о теоретических наработках на тему того, как следует понимать обозначенный переход. В первой части мы акцентируем внимание на масштабе этой истории и рассматриваем общее развитие капитализма в Восточной Азии. В то же время мы знакомим читателя с некоторыми ключевыми понятиями, имеющими решающее значение для нашего повествования, поскольку они связаны с центральными противоречиями, с необходимостью присущими капиталистическому способу производства.

Общее положение дел можно охарактеризовать следующим образом: возможность перехода к капитализму при династии Цин была задавлена быстрым развитием капитализма в Японии — главном конкуренте в регионе в конце XIX века. В результате образовался регион, поделённый между торговыми полуанклавами, с преобладанием европейского капитала и быстро индустриализирующимися колониями Японской империи. Первая мировая война только усилила наметившуюся тенденцию, что в дальнейшем привело к битве

за Тихоокеанский регион между Японской империей и восходящим гегемоном в лице США. Несмотря на поражение Японии, начинающаяся Холодная война обеспечила дальнейшее развитие японского промышленного проекта, теперь, правда, под крылышком американской военщины. В результате всего этого был заложен фундамент для очередного этапа стремительной международной экспансии. Эта экспансия обрела материальную форму в Тихоокеанском территориально-производственном комплексе, в котором всё большую роль играли новые логистические технологии, самой важной из которых было кольцо контейнерных портов и прилегающих к ним индустриальных узлов.

Поскольку наше внимание в этом разделе заострено на долгосрочных тенденциях капиталистической системы, норма прибыли и её отношение к кризисам будет играть здесь главную роль. Мы не занимаем однозначных, жёстких позиций по вопросам, касающимся нормы прибыли: как лучше всего её измерять, насколько сильной является её тенденция к понижению, каковы отношения между микроэкономическими процессами, связанными с функционированием отдельных компаний, и макроуровневыми тенденциями в норме прибыли. Вместо этого мы делаем упор на самых базовых теоретических понятиях. Как уже было неоднократно эмпирически доказано, норма прибыли имеет тенденцию со временем уменьшаться (движение это волнообразно). Особенно подчёркивалось её падение в производственном секторе экономики — падение, которое неоднократно вызывало кризисы. Стоит помнить и о некоторых противодействующих причинах, таких как расширение рынков и поиск новых источников рабочей силы, которые могут быть подвержены сверхэксплуатации, — это явление часто обозначается как «пространственная привязка» (*spatial fix*).

Эта пространственная привязка приводит к появлению новых территориально-производственных комплексов. Так как абстрактная логика капитала всегда разворачивается в реальном мире, она неизбежно разворачивается пространственно. Под давлением, которое оказывает падение нормы прибыли, формируются отдельные блоки основного капитала. В более широком масштабе это движение часто принимает форму межнационального соперничества, поскольку новые экономические игроки, не обременённые старыми помещениями и оборудованием, могут использовать самую лучшую технику, чтобы бросить вызов промышленникам других стран. Это, в свою очередь, приводит к устареванию заводов и машин «старой гвардии» и, следовательно, к падению уровня её доходов, что влечёт за собой локальные кризисы, часто проявляющиеся в виде торговых войн между блоками, даже несмотря на часто продолжающуюся глобальную экспансию. Но те же самые процессы происходят на более локальном уровне: внутри самих стран новые территориально-производственные комплексы меняют экономическую географию региона в соответствии с требованиями капитала. Этот процесс часто приводит к массовой миграции в ключевые центры деятельности, узлы и коридоры. Тем не менее, когда такие комплексы устаревают, они быстро превращаются в «ржавые пояса», а их в корне бесчеловечная природа становится ещё более наглядной.

Восхождение Японии и «азиатских тигров» (Гонконга, Сингапура, Тайваня и Республики Корея) было не столько продуктом взаимовыгодного сотрудничества, сколько результатом кризиса, войн и колонизации. Ниже мы исследуем их историю, освещая то, как восхождение стран Тихоокеанского рубежа было связано с падением прибыльности и постепенным перемещением

капитала на восток, перемещением, создающим вдоль своих границ новые территориальные комплексы и оставляющим на своём пути выпотрошенные «ржавые пояса». Именно этот процесс «окружения» и последовавших за этим кризисов открыл окно, сквозь которое окостеневший китайский протосоциалистический режим смог попасть в манящий мир капитала.

НЕУДАВШИЙСЯ ПЕРЕХОД

Китай начал медленный и неравномерный переход к капитализму в период поздней Цин. Процесс этот был отмечен низким уровнем индустриализации и продолжительной политической нестабильностью. Эта первая попытка перехода привела в дальнейшем к политическому коллапсу, гражданской войне и росту революционного движения, которое затем оформилось в социалистический проект, тем самым приостановив поглощение региона капиталистическим рынком. Несмотря на неудачный исход, этот первый период перехода необратимо изменил миграционную структуру, торговые маршруты и промышленную географию региона, высвободив такую инерционную силу, которую не смог сдержать даже протосоциалистический режим. Этот период (датируемый от поздней Цин до республиканской эры и японской оккупации) оставил после себя глубоко раздробленную структуру промышленности, способствуя множеству периодических кризисов, которые в дальнейшем терзали протосоциалистический режим¹³. В каком-то смысле эта инерционная сила пережила и сам этот режим. Когда в начале 70-х начался второй период перехода к капитализму, Китай стал свидетелем возрождения многих старых промышленных кластеров, торговых маршрутов и сетей миграции, определявших первый период веком ранее.

Этот первый переходный период определялся как относительно новыми историческими событиями, так и более старыми торговыми структурами в регионе. Южная береговая линия очень долго играла важную роль в региональной торговле, и после упадка Шёлкового пути (и падения династии Тан в 907 г. н. э.) прибрежная торговля заняла доминирующее положение в докапиталистических торговых отношениях. В период правления каждой династии, однако, существовали и противодействующие тенденции, помогавшие ослабить силу нарастающей торговли¹⁴. Постоянная угроза того, что эти полулегальные торговые сети превратятся в независимые пиратские флоты, всегда нависала над династиями китайских императоров. В период Цин (1644–1912) эта угроза обрела форму борьбы против маньчжурских завоевателей. Эта борьба велась под предводительством преданного династии Мин Чжэн Чэнгуна (также известного на Западе как Коксинга), бежавшего в море, когда армии Цин вторглись в Фуцзянь. Чжэн свергнул голландское правление на Формозе (Тайвань), превратив остров в базу для своего повстанческого флота. В ответ правительство Цин не только запретило всю морскую торговлю (поставив, таким образом, бóльшую часть международной торговли вне закона), но и опустошило прибрежную линию, высылая население в глубь страны и уничтожая опустевшие деревни, дабы отрезать Чжэна от продовольственных поставок¹⁵.

Когда восстание Чжэна было подавлено (с захватом Тайваня в 1663 году), прибрежная зона была постепенно заселена, а судоходство — восстановлено. Это привело к открытию материкового рынка для зарождающихся европейских торговых сетей, и этот процесс вскоре начал принимать отчётливо капиталистический характер¹⁶. В годы расцвета династии материковый Китай

не только вёл сбалансированную торговлю с Западом, экспортируя чай, фарфор, шёлк и различные мануфактурные изделия, но также занимал центральное место в региональной торговле, и даже изоляционистская Япония зависела от импорта сырья из Цин¹⁷. Но со временем государство стало более настороженно относиться к торговле, испытывая страх перед растущими возможностями купечества, вероятностью нового восстания и растущей силой европейцев. Администрация решила ввести жёсткую монополию на ключевые товары и ограничила международную торговлю несколькими таможенными портами. Этот курс достиг своего пика с введением кантонской системы, действовавшей с 1757 по 1842 гг., когда вся международная торговля велась через один порт с примыкающими к нему складскими помещениями («тринадцатью фабриками») в Кантоне (Гуанчжоу). Система эта была уничтожена только после совершенно бесцеремонного вторжения европейцев, стремившихся напрямую выйти на рынок материкового Китая. Результатом этих вторжений, самые драматичные из которых вошли в историю под названием «Опиумные войны» (1838–1842 и 1856–1860), стало заключение неравных договоров между Цин и европейскими державами. Одним из пунктов этих соглашений являлось возобновление торговли через несколько «договорных портов», разбросанных вдоль береговой линии¹⁸.

Всё более частые военные поражения вкупе с внутренними восстаниями со временем свели Цин в могилу. Волны беженцев с материка были брошены для удовлетворения всё сильнее растущих appetитов ранней капиталистической промышленности (особенно это касается Америки). В то же время внутренние трудовые ресурсы (а также сырьё и земля) всё сильнее привлекали европейских колонистов и соседние государства. В крупнейших прибрежных городах были

основаны новые промышленные районы. Особую роль в этом процессе играли Шанхай и Гуанчжоу. Медленно вливаясь в глобальную сеть капитала, такие города де-факто становились автономными от Цин образованиями. Именно эти города и стали центрами продолжительной модернизации как при милитаристах, так и при республике. В то же время часть территории Шаньдуна по факту была передана немцам, финансировавшим множество новых промышленных предприятий по всему миру. Ранняя капиталистическая инфраструктура в регионе, таким образом, по большей части находилась в руках иностранцев, а прибрежные города были по сути своей высоко интернационализированными колониями, связанными с сетью внутренних производств. Доминирующее положение в этих «колониях» занимали европейский и японский капиталы: рядом с чрезвычайно прибыльной торговлей опиумом *«к 1907 году 84% перевозок, 34% хлопкопрядения и 100% производства находились в руках иностранцев. Европейцы контролировали даже самые жизненно важные отрасли, владея не менее чем 93% железных дорог»*¹⁹. Даже несколько крупных внутренних промышленных конгломератов, таких как Hanuering Coal and Iron Company, полностью зависели от немецко-японского импорта оборудования и капитала²⁰.

К межвоенному периоду Шанхай стал центром как торгового капитала, так и раннего рабочего движения, а Гуанчжоу (также известный как «красный Кантон») ненамного отставал от него. Но без связующей силы сильного национального государства эти ранние центры перехода к капитализму становились вотчинами иностранного капитала или исключительно паразитического класса национальных капиталистов, действующих в качестве посредников и субподрядчиков для европейских и японских фирм. Неудавшийся

переход к капитализму на материке, таким образом, был не только результатом удушающей политики Цин, но и продуктом капиталистического развития в Европе, давших начало эпохе империализма. Проводниками этой эпохи стали жесточайшие режимы грабежа и эксплуатации, раскинувшиеся по всему Тихоокеанскому региону. Совершенно зверский характер таких режимов спровоцировал ряд антиимпериалистических восстаний, которые на время застопорили переход к капитализму на материке. Тем не менее, наследие этого первого неудавшегося перехода в дальнейшем повлияло на характер и географию второго перехода, последовавшего за эпохой социализма.

СОЗДАВАЯ ВОСТОЧНУЮ АЗИЮ

В Японии, напротив, давление европейских держав привело не к политическому коллапсу, а к Реставрации Мэйдзи (1868–1912), положившей начало полномасштабному переходу к капитализму, включая ускоренную индустриализацию и осуществление широких политических и социальных реформ²¹. Успех реформ там стал очевиден после победы Японии в японо-китайской войне (1894–1895). Эта война, которая велась за господство над Корейским полуостровом (на тот момент — государство, находящееся в даннической зависимости от Цин), противопоставила небольшую, но модернизированную японскую армию военным силам династии, которая на протяжении столетий являлась гегемоном в регионе. На тот момент многие пророчили Японии скорое поражение. Но самая передовая военная сила Цин, Бэйянская армия, не могла противостоять захватчикам, сумевшим прибрать к рукам не только Корейский полуостров, но и Ляодунский, протянув свои щупальца глубоко в Маньчжурию, родину правящей династии. Под конец войны

Цин была вынуждена уступить своё влияние в Корее и передать японцам Тайвань, несмотря на сильнейшее местное сопротивление. Япония захватила остров в 1895 г., после чего на протяжении нескольких лет вела войну против партизанских отрядов, подавляя целый ряд восстаний в начале XX века.

Победа в Корее и вторжения в Маньчжурию были восприняты соседними империалистическими державами, Россией и Германией (последняя контролировала Циндао неподалёку), как прямая угроза их интересам в регионе. На тот момент Япония заняла примирительную позицию, уступив Ляодунский полуостров, приняв участие в образовании формально независимой Корейской империи и оказав западным странам активную поддержку при подавлении Ихэтуаньского (Боксёрского) восстания в 1900 году. Но растущая напряжённость вскоре вылилась в русско-японскую войну (1904–1905), закончившуюся ещё одной неожиданной победой японцев, на этот раз — над одной из крупнейших империалистических держав. Мирный договор, заключённый с русскими, был, однако, всё равно направлен на умиротворение противника. Никаких значительных территорий Японии передано не было, и России не пришлось платить каких-то серьёзных репараций. Это спровоцировало широкие националистические протесты в Японии, сигнализируя не только о широкой оппозиции западному колониализму в регионе, но и о слиянии этого антиколониализма с собственным империалистическим проектом Японии.

Несмотря на то, что Япония не предъявляла открытых колониальных претензий на Корею или Маньчжурию, Корея позиционировалась как «протекторат», и вскоре на её территории была сформирована полуавтономная Квантунская

армия. Вскоре она стала эффективным инструментом для того, чтобы вмешиваться во внутреннюю политику региона, не прибегая к открытой интервенции. В то же время в Корее постепенно проводились реформы, которые предоставляли Японии всё больше и больше политической и экономической власти, пока наконец в 1910 г. территория не была аннексирована полностью. Нечто похожее происходило и в Маньчжурии: за ростом экономического влияния последовало несколько военных интервенций против местных кланов. Вторжение 1931 г. закончилось установлением марионеточного правительства Маньчжоу-го.

В Японии всё это сопровождалось быстрым ростом милитаристских настроений, отразившихся в концепции «Великой восточноазиатской сферы сопроцветания», которая должна была быть организована в строгой этнической иерархии, во главе с Японией и под предводительством «расы Ямато». Несмотря на то, что эти представления уходили корнями в самобытные теории рас, широко распространённые в Восточной Азии, явление японского империализма нельзя свести к его культурным компонентам, так же как его сущность нельзя вывести из авторитарного характера пережитков «феодалного» класса Японии²². Японская империя ни в коем случае не была очередным изданием старых даннических государств, которые так долго господствовали в регионе. Напротив, она определённо являлась результатом перехода к капитализму в рамках Реставрации Мэйдзи, схожим с тем, что мы видели на Западе. В течение нескольких десятилетий капиталистическое развитие в Японии привело к перенасыщению национального рынка, росту госаппарата и доминированию в экономике четырёх крупных корпораций-монополий — «дзайбацу». Все эти элементы способствовали осуществлению военной и экономической экспансии

по всем канонам империализма. Как в Германии и Италии, японский милитаризм и имперская экспансия были результатами капиталистического кризиса и ослабления политической гегемонии Британской империи.

В новой региональной иерархии японский капитал (всё более срастающийся с государством) был движущей силой, стоявшей за территориальной экспансией, строительством крупных инфраструктурных проектов и финансированием координированного процесса индустриализации. Первые колонии на Тайване, в Корее и в Маньчжурии стали наиболее предпочтительными местами для такого инвестирования, в то время как периферийные страны Юго-Восточной Азии и отдельные части Китая рассматривались в качестве подчинённых государств-марионеток, которые должны были предоставлять новые рынки сбыта и поставлять в метрополию необходимое сырьё (например, нефть из Индонезии и сельскохозяйственную продукцию с Филиппин). Значительное сокращение глобальной торговли, пришедшее с Великой депрессией, ещё более стимулировало империалистическую экспансию, поскольку усиливающаяся политика протекционизма отрезала Японию от альтернативных источников сырьевых товаров²³. В разгар этого общего упадка торговля между странами сформированной Японией «зоны иены», колониями и различными марионеточными режимами, а также более слабыми странами «Великой восточноазиатской сферы процветания» возросла в разы²⁴. Если в 1895 г. экспорт с Тайваня в Японию составлял 20% от всего экспорта, то к концу 1930-х этот показатель вырос до 88%²⁵. Межрегиональная торговля была организована по принципу высокой централизации, где Япония занимала центральное место, в то время как колониям и нижестоящим торговым партнёрам предлагалось специализироваться в узких отраслях производства в соответствии с японскими

интересами. Ведение торговли напрямую с другими странами не поощрялось. Следование принципам вознаграждалось инфраструктурными инвестициями.

Иерархия эта была построена в соответствии как с расовыми характеристиками, так и с географией региона, но главной мерой этнической чистоты была культурная близость с Японией. Лженаучные теории расы и национальности, таким образом, отражали материальные различия между территориями, которые до недавнего времени, несмотря на различия в культуре, оставались примерно на одном уровне развития. Представив «Восточную Азию» как иерархически организованный расово-культурный континуум, объединённый заимствованием китайской системы письма и неоконфуцианскими представлениями о древности, японский имперский проект создал из новых звеньев капиталистического производства узнаваемый ныне регион²⁶. Несмотря на провал имперского проекта, этот ранний японский экспансионизм преуспел в создании нового центра тяжести для глобального капитала. С самого начала этот центр основывался на отношениях неравного обмена между островами архипелага и прибрежными странами Тихого океана. Во время Холодной войны этот центр тяжести станет заслоном против распространения коммунизма. Позднее капиталистическая часть Восточной Азии постепенно окружила протосоциалистический режим и начала притягивать его к циклам накопления, облегчив тем самым переход Китая к капитализму.

ТОТАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ

Восхождение ультраправых в Японии было следствием отчётливо капиталистической динамики, характер которой определялся общим кризисом прибыльности. Японская экономика прошла беспрецедентный бум в поздние

1910-е за счёт того, что удовлетворяла рыночный спрос Запада и увеличивала своё влияние в регионе, оставленном европейскими империями, ослабленными войной. С 1914 по 1919 гг. реальный ВВП рос в среднем на 6,2% в год, хотя такими же темпами росла и инфляция. Но за этим ранним бумом последовал такой же ранний кризис. Рост стал замедляться в 20-е, а затем последовал обвал во время финансового кризиса Сёва 1927-го²⁷. Для измерения нормы прибыли в Японии за этот период использовались различные методы²⁸, но все они демонстрируют резкое падение в 20-х, за которым следовали дальнейшее падение²⁹ или стагнация³⁰. Отношение инвестиций к ВВП также падает в эти годы: с максимального значения, достигнутого в начале 20-х, до периода стагнации в течение следующего десятилетия с резким падением во время депрессии Сёва, вызванной мировым кризисом в 1930 г.³¹

Но, поскольку Япония столкнулась с кризисом чуть раньше других стран, ещё в конце 20-х правительство повело курс на значительные финансовые реформы, которые способствовали более быстрому оздоровлению экономики после депрессии Сёва. Банки были консолидированы, а правительство встало на путь усиленного стимулирования экономики за счёт государственных расходов. Депрессия Сёва, вызванная как мировым экономическим коллапсом, так и несвоевременным возвращением Японии к золотому стандарту, прошла тяжело, но быстро. Уже зимой 1931 г. в Японии начали проводить политику, которую позже назвали политикой Такахаси. Это была политика контролируемого обесценивания денежной массы и государственных расходов по кейнсианскому типу. Проводилась она под руководством министра финансов Такахаси Корэкиё. Бюджетное стимулирование сочеталось с «расщеплением» золотого стандарта (сначала был отказ от золотого стандарта, а затем стабилизация девальвации

через привязку обменного курса к фунту стерлингов), что позволило повысить конкурентоспособность благодаря пониженному курсу иены, а также обеспечить формирование «зоны иены» в Восточной Азии. В период с 1932 по 1936 гг., когда политика Такахаси работала на полную катушку, рост ВВП снова поднялся до 6,1% в год, почти как во времена предыдущего бума; инфляция же была гораздо умереннее³². Отношение инвестиций к ВВП восстановилось в течение 30-х, вернувшись к пиковому докризисному уровню к концу десятилетия³³.

Но несмотря на то, что кейнсианская политика позволила экономике преодолеть самый тяжёлый период кризиса путём увеличения инвестиций, усиления государственного сектора экономики и стабилизации иены (в то время как она оставалась конкурентоспособной), эффект, который имела эта политика на норму прибыли, был гораздо слабее³⁴. Это, а также всё более растущая зависимость фирм от государственных расходов, говорило о том, что японская экономика 30-х так и не сумела до конца преодолеть кризис. Ответом на эту проблему стала экспансионистская программа, схожая с тогда ещё предстоявшими программами Германии, Италии и, чуть позже, США. Падение прибыли могло быть компенсировано лишь наращиванием госаппарата, протекционистскими мерами, а также усилением (и, де-факто, увеличением необходимости) роста армии и стимуляции колониальной экспансии. Так кейнсианская эпоха Такахаси взрастила кровавый милитаризм поздней Империи. Когда в 1935 г., боясь вызвать безудержную инфляцию, министр финансов решил сократить государственные расходы, он вызвал бешеный гнев усилившейся военщины и вскоре был убит членами «Кодохи» («Фракции императорского пути») во время путча молодых офицеров. Несмотря на

поражение, попытка переворота привела к тому, что военным было передано больше власти, а правительство отказалось от попыток урѣзать военный бюджет. Это положило начало эпохе военно-командной экономики, которая сопровождалась продолжительным ростом ВВП, но также и ростом инфляции³⁵.

Огромные монополии дзайбацу сохраняли свою власть на протяжении всего кризиса, кроме того, несколько новых дзайбацу выросли на почве новоприобретѣнных колоний. Экономическое неравенство достигло непомерных размеров, в то время как вооружѣнные силы в глазах многих стали единственным спасением от разгула крупных финансистов. Правые настроения захватывали общество. «Кодоха», несмотря на своё формальное отстранение от дел после 1936 г., открыто выступала за установление фашистского режима, при котором демократия была бы уничтожена, коррумпированные бюрократы и жадные капиталисты дзайбацу — стѣрты с лица земли, а государство встало бы под непосредственное управление императора. Их политика основывалась на мифических представлениях о возвращении к естественной иерархии докапиталистической Японии, поэтому они, естественно, были также и яркими антикоммунистами, выступавшими за немедленное нападение на Советский Союз³⁶. Менее радикальная коалиция, сформированная против «Кодохи», называлась «Тосэйха» («Фракция контроля»). Она призывала к более осторожной политике по отношению к СССР и выступала за сотрудничество с дзайбацу, но в остальном была по сущности такой же фашистской группировкой. После уничтожения «Кодохи» в 1936 г. военное управление было передано «Тосэйхе».

Большинство умов во главе правящей фракции (теперь уже не имевшей

конкурентов на политической арене) были последовательными сторонниками теории тотальной войны, концепции централизованного экономического и военного планирования по образу и подобию Германии, а также призывали к продолжению военной экспансии в Китае и далее³⁷. Эти теоретики уже очень долго сотрудничали с группой реформаторов-бюрократов под предводительством Киси Нобусукэ, хозяйственного руководителя Маньчжоу-го и последовательного сторонника фашистских теорий Икки Кита. Именно в среде этих реформаторов-бюрократов и милитаристов родилась экономическая программа японского империализма («Великая восточноазиатская сфера процветания»). Экспериментирование с промышленным развитием и организацией хозяйственной деятельности в странах «Сферы процветания» принимало самые различные формы, от государственной командной экономики в Маньчжурии до более свободных (для инвестирования со стороны дзайбацу, конечно же) режимов в метрополии и периферийных колониях. Тем не менее, все эти модели были объединены общей верой в разрастающееся тоталитарное государство, стоящее у штурвала колониальной экспансии³⁸.

Каждая из программ развития, осуществлявшихся Японией, имела продолжительный эффект на регион в целом. В «Сорго и стали» мы исследовали, как крупные военные фирмы в Маньчжурии способствовали формированию ранней структуры промышленности протосоциалистического режима. Но именно реформаторы-бюрократы под руководством Киси, действовавшие в соответствии с принципами «Тосэйхи», сыграли ключевую роль в создании капиталистической Восточной Азии после войны. После короткого периода послевоенного упадка под оккупацией США, с началом Корейской войны экономика Японии стала восстанавливаться, поскольку

политика Штатов была направлена на активное экономическое развитие региона с целью создать заслон против распространения коммунизма. Дабы гарантировать этот экономический рост, Соединённые Штаты вернули бразды правления многим из тех, кто руководил страной в период Империи, в том числе Киси, к тому времени — общепризнанному военному преступнику³⁹. Выпущенный из тюрьмы, Киси при активной поддержке США создал Либерально-демократическую партию. Он был избран премьер-министром в 1957 г., после чего неоднократно получал деньги на предвыборные кампании от ЦРУ, заручившись поддержкой президента США Эйзенхауэра⁴⁰. В качестве первого японского лидера, который предпринял поездку в страны Юго-Восточной Азии после войны, Киси выступил с широким планом развития региона. Основные идеи были, конечно, прямо позаимствованы им из его видения «Сферы сопроцветания». При активной поддержке США он и его технократы наконец-то могли проводить в жизнь свою старую экономическую политику под эгидой нового антикоммунистического блока, ведшего уже совершенно другую тотальную войну⁴¹.

ЭКСПОРТ КАПИТАЛА НА ВОСТОК

Соединённые Штаты также давно имели колониальные интересы в регионе, о чём свидетельствовали аннексия Гавайских островов и оккупация Филиппин, обе — в конце 1890-х. Эти интересы подогревались теми же экономическими причинами, которые стояли за японским колониальным проектом. Экономика, стагнировавшая под давлением тяжёлопромышленных монополий эпохи «позолоченного века», искала дешёвые источники природных ресурсов и новые рынки. Полвека спустя (вслед за поражением Японии и вхождением Китая в

соцлагерь) США сумели закрепиться в регионе. Но интересы их претерпели коренные изменения. Частично это было связано с новыми условиями Холодной войны: программы экономического развития считались неотъемлемой частью более обширной стратегии сдерживания соцлагеря. Другой же причиной этому было изменение органического строения капитала. В США война привела к возрождению тяжёлой промышленности из пепла кризиса и стагнации, всплеску исследований и развития технологий. В то же время именно война создала передаточные механизмы для того, чтобы сделать новые технологии, накопленные за последние десятилетия, достоянием широкой общественности, и обеспечила экономическую стабильность, необходимую для этого. Нововведения коснулись авиационной промышленности, нефтехимии, агрохимии, электроэнергетики и автомобилестроения⁴². Одновременно с этим логику военного времени переводили на мирные рельсы. Создавались торговые связи, которые вскоре стали главной опорой экономики в регионе⁴³.

В то время как всё больше американских фирм двигались вверх по производственной цепочке, испытывавшие бум военного времени отрасли, которые занимались производством средств производства, искали новые рынки для сбыта своей продукции, что резко контрастировало с традиционной политикой экспорта потребительских товаров, господствовавшей в торговле США с её территориями вне метрополии вроде Филиппин. Но, в то время как для экспорта потребительских товаров необходимо было лишь открытие внешних рынков, экспорт средств производства требовал от принимающей стороны стимулирования крупных структурных изменений. Таким образом, США были напрямую заинтересованы (как в экономическом, так и в политическом плане) в установлении диктаторских режимов, которые следили бы за нормальным

капиталистическим развитием в регионе. По тем же самым причинам США поддерживали государства всеобщего благоденствия в Европе в рамках плана Маршалла. Восстановительные работы принесли с собой резкий экономический скачок, создавший огромные рынки сбыта для американской промышленности, страдавшей от перепроизводства в послевоенные годы. Столетия жестокой колонизации уже создали подмости для по-настоящему глобальной капиталистической системы, и кропотливый труд по наращиванию империалистического влияния мог теперь быть сведён к комбинации рыночных и военно-полицейских механизмов.

В Восточной и Юго-Восточной Азии новая модель производства имела довольно чёткую иерархию. Теперь за штурвалом стояли Штаты, но в конечном счёте они воспользовались теми же промышленными узлами и торговыми связями, которые были созданы Японской империей (за вычетом территорий, примкнувших к соцлагерю). Это было сопряжено с неравномерным распределением инвестиций по странам, что привело к выстраиванию своеобразной стратификации, в которой различные страны начали специализироваться в той или иной сфере производства в соответствии с торговыми запросами стран более высокого ранга. Если учитывать более развитую промышленность и злостный антикоммунизм её истеблишмента, Япония была самым очевидным претендентом на инвестиции с Запада и, следовательно, на лидерство в новой региональной иерархии — иерархии, в которой она бы распределяла финансирование и насаждала свою политическую модель другим странам региона.

В то же время именно исход войны позволил Японии обновить её

производственную базу. Утрата колоний и уничтожение армии даже сыграли в этом процессе положительную роль, освободив страну от дорогостоящих постколониальных интервенций, предпринятых Францией, Британией и США, в то же время позволив ей пользоваться плодами этих войн — новыми технологиями и торговыми связями. Развитие судоходства было особенно выгодным для островной нации и способствовало строительству новых промышленных комплексов по всему тихоокеанскому побережью. Потеря колоний — в особенности Маньчжурии — означала также, что значительная порция основного капитала была безвозвратно утеряна. В долгосрочном плане это значило, что японские фирмы не возлагали никаких надежд на возможные прибыли от этих утраченных предприятий и не несли больше никакой ответственности за поддержание стремительно устаревающих заводов в регионе. Парадоксально, но именно это позволило японской экономике в самые сжатые сроки совершить невиданный технологический скачок в производстве и капитальном строительстве, в то время как США и подобные им страны становились всё более обременёнными массами устаревшего основного капитала, накопленного за предыдущие десятилетия.

Эпоха «тотальной войны» оставила после себя массу солдат и рабочих, по большей части грамотных и обладавших различными техническими навыками. Из населения в 72 миллиона в 1948 г. при 34,8 миллионах трудоустроенных 7,6 миллиона составляли демобилизованные солдаты, 4 миллиона — демобилизованные рабочие, занятые до этого в военной промышленности, и 1,5 миллиона — японцы, вернувшиеся из-за границы; резервная армия труда насчитывала, таким образом, 13,1 миллиона человек, целых 18% от всего населения. В это время в стране проводились аграрные реформы, направленные

на повышение производительности в сельскохозяйственном секторе, в результате чего на протяжении нескольких десятилетий резервная армия труда пополнялась постоянно прибывающими переселенцами из деревни. Но, вместо того чтобы вызвать резкий скачок безработицы, эти реформы привели к росту неформальной занятости и повсеместному распространению небольших сообществ, созданных для того, чтобы добывать необходимые средства к существованию. В 1950 г. самозанятые, крестьяне и работники семейных предприятий составляли около 60,6% рабочей силы Японии, в то время как формально трудоустроенные — лишь 39,4%⁴⁴. Таким образом, налицо было разрастание резервной армии труда, которую можно было использовать в качестве источника дешёвой рабочей силы, и именно этот избыток предоставил базу для будущего скачка японской промышленности. С 1951 по 1973 гг. *«японский ВВП неуклонно рос в среднем на 9,2% в год и в конечном итоге вырос в 7 раз»*⁴⁵. Именно этот процесс породил дискуссии о «японском чуде», в ходе которых, правда, часто игнорировались те или иные структурные особенности, которые лежали в основе такого «чудесного» роста.

В действительности резкий рост японской экономики был обусловлен не только удачно сложившимися обстоятельствами в стране, но и непрерывным стимулированием со стороны союзных Америке режимов. С началом эксплуатации ближневосточных нефтяных месторождений и открытием придушенных войной торговых путей цены на энергоресурсы, как и на прочие сырьевые товары, рухнули. В то же время из-за начинавшейся Холодной войны США были вынуждены значительно сократить репарационные требования и взамен начать предлагать деньги на реконструкцию. Но ключевым моментом в этом процессе стала Корейская война. Поскольку Япония была ближайшим к

линии фронта источником промышленных товаров, США дали начало специальной программе закупок, просуществовавшей с 1950 по 1953 гг., заполнив тем самым японскую промышленность заказами с оплатой по твёрдым ценам. В 1952–1953 гг. товары по закупочным контрактам составили примерно 60–70% от всего экспорта Японии, удвоив объёмы производства основных японских отраслей промышленности в течение одного года. Этот опыт доказал, что Япония сможет стать как экономическим лидером в регионе, так и прочным политическим партнёром в борьбе против соцлагеря. Оккупация Японии формально закончилась с заключением Сан-Францисского мирного договора. Военный союз между двумя странами был окончательно закреплён японо-американским договором о безопасности. При этом оба договора были подписаны в 1951 г., после вступления Китая в Корейскую войну и последовавшего за этим вывода войск ООН с полуострова⁴⁶.

После Корейской войны старые экономические силы в регионе начали отступать на второй план: объём международной торговли в 1955–1970 гг. в среднем рос всего на 7,6% в год. В результате для Японии открылись новые рынки сбыта. Полученная прибыль шла на закупку важнейших импортных товаров, включая как сырьё, так и передовое оборудование из США. В то же время в рамках финансовой и кредитно-денежной системы, созданной на Бреттон-Вудской конференции, доллар был привязан к иене по фиксированному валютному курсу, что способствовало росту национальной промышленности в 1950-х, сделав японскую обрабатывающую промышленность невероятно конкурентоспособной на мировом рынке в начале 1960-х, после того как импортированный ранее основной капитал начал приносить свои плоды в виде увеличивающейся производительности⁴⁷. В результате норма прибыли японской

промышленности за этот период взлетела⁴⁸, достигнув ярко выраженного пика в конце 1960-х в обрабатывающей промышленности⁴⁹.

Одновременно с ростом международного спроса на японские товары рос и национальный рынок Японии. Это вызвало потребительский бум среди японских рабочих (особенно в среде высокооплачиваемых рабочих в ключевых отраслях, поскольку они завоевали гарантии пожизненного найма в результате острой экономической борьбы в конце 1940-х). В то же время мировые рынки постепенно были заполнены японской продукцией, начиная с текстиля и основных видов сырья, заканчивая оборудованием и электроникой. Между 1957 и 1973 гг. доля японского экспорта промышленных товаров на всём рынке повысилась с 5,5% до 11,5%, в то время как за период между 1956 и 1973 гг. частные внутренние инвестиции в основной капитал (здесь — заводы и оборудование) росли в среднем на 22% в год. Финансировались они за счёт промышленной прибыли и быстрорастущих личных сбережений, перенаправляемых через банки, которые предоставляли нулевые или отрицательные реальные процентные ставки по депозитам. Непрерывные государственные расходы на промышленную инфраструктуру, таким образом, сопровождались чрезмерным кредитованием промышленных фирм с целью создать условия для доселе небывалого роста основного капитала. Это был период, когда соотношение инвестиций к ВВП в Японии достигло своего исторического пика. И валовое накопление основного капитала, и (особенно) нежилищные инвестиции охватывали 12% ВВП в 1950 г. К тому времени, когда соотношение достигло своего пика между 1970 и 1975 гг., валовое накопление основного капитала составляло почти 35% ВВП, в то время как нежилищные инвестиции составляли чуть меньше 25%; ослабление связи между этими

показателями говорило о том, что где-то в глубине начал образовываться пузырь на рынке недвижимости, который позднее сыграет немаловажную роль в катастрофическом коллапсе первых «чудесных» экономик Азии⁵⁰.

СТАГНАЦИЯ

Теоретики по-разному называли долгий период стагнации экономического роста, охватившей страны капиталистического центра после окончания послевоенного бума⁵¹. Некоторые, как японский марксист Макото Ито, называли его очередной «*Великой депрессией*»⁵². Другие, проводя параллели с первой «*Великой депрессией*» в 1873 г., использовали термин «*Долгая депрессия*», подчёркивая характерный для этого периода вялый рост экономики, а не полный её крах⁵³. Многие же просто называли его «*продолжительной стагнацией*»⁵⁴ или «*длительным спадом*»⁵⁵. Вне зависимости от того, как называть этот процесс, как рост ВВП, так и нормы прибыли во многих странах Центра стали падать уже к середине 1960-х⁵⁶, в то время как норма прибыли в промышленности США достигла пика в середине этого десятилетия⁵⁷. В Японии как общенациональная норма прибыли, так и норма прибыли в обрабатывающей сфере промышленности достигли пика где-то между серединой 1960-х⁵⁸ и 1970 г.⁵⁹

Замедление не ударило по экономике всех стран сразу, как не ударило оно по всем в одинаковой степени. Да и сам послевоенный бум носил отнюдь не равномерный характер, с самого начала оставив страны с высоким ВВП отягощёнными массами устаревающего основного капитала, препятствующими инвестированию на внутреннем рынке. В то же время этот капитал не был настолько убыточным, чтобы от него можно было избавиться с помощью

массовых увольнений и закрытий фабрик. В результате этого бóльшая часть экономического бума поддерживалась за счёт роста в развивающихся странах, включая восстановительные работы в Европе и послевоенное развитие Японии. Когда изначальные пределы роста были достигнуты, стагнацию, уже начавшуюся в крупнейших странах Центра, больше нельзя было компенсировать за счёт роста международной торговли. После этого как развитые (ещё до войны), так и бывшие развивающиеся страны (теперь уже тоже ставшие развитыми) не только столкнулись с продолжающейся стагнацией и падением нормы прибыли, но и оказались в обстановке активной борьбы за всё более сужающуюся долю глобального накопления. Это привело к растущей безработице, бюджетным кризисам и необычному явлению стагфляции. Всё это усугублялось нефтяным кризисом и увеличением расходов на вооружённые силы.

На мировом уровне международная конкуренция проявлялась в форме быстро меняющихся стадий «порочного круга» рецессии. Теперь, когда рост замедлился и та часть стоимости, которая могла быть захвачена экономикой различных стран, значительно уменьшилась, и этот «порочный круг» всё чаще принимал форму антагонистических «торговых» или «валютных войн» между США и их конкурентами. Каждая стадия «круга», таким образом, подстёгивалась геополитическими сдвигами в международных валютах и тарифных системах. В то же время общий характер конкуренции определялся открытием новых центров трудоёмкой промышленности, каждый из которых предоставлял краткосрочную пространственную привязку к проблеме низкой прибыльности, в то же время способствуя (в долгосрочной перспективе) появлению на рынке новых игроков. Два года были особенно важными: 1971,

положивший начало отходу Соединённых Штатов от золотого стандарта и Бреттон-Вудской системы искусственно поддерживаемых валютных курсов, и 1985, год, когда было заключено соглашение «Плаза», увеличившее стоимость японской иены и германской марки, одновременно девальвируя доллар. Тем не менее, важно помнить о том, что стратегические решения не могут по-настоящему смягчать и, тем более, породить кризисы капиталистической системы. Эти решения могут лишь направлять их в то или иное русло или, в лучшем случае, отсрочить их (тем самым усиливая масштаб крушения, когда они всё-таки произойдут). Геополитика — служанка капиталистической системы, но никак не её госпожа. Подобные решения, таким образом, ни в коей мере не породили общий кризис, но именно они определили существенные сдвиги в том, каким странам придётся взять на себя основной удар от него.

Конец Бреттон-Вудской системы сделал обменные курсы менее устойчивыми и на первых порах пониженными в области конкурентоспособности американской промышленности, способствуя экспортно-ориентированному росту в других странах в период 1970-х. Это привело к смещению торгового баланса Штатов, а также стремительному росту инфляции и безработицы, причём последняя достигла свыше 9% в 1982 и 1983 гг. Япония в это время встретила первую фазу кризиса крупномасштабными государственными расходами и расширением экспорта. Бюджетный дефицит США в конце 1970-х и в начале 1980-х, таким образом, в значительной степени опирался на положительное сальдо Японии, а рост государственного и частного долга в США обеспечивал рынок для японских товаров. Результатом этого стало *«небывалое зрелище того, как японские финансисты предоставляли кредиты, необходимые правительству США, чтобы профинансировать дефицит бюджета, тем самым способствуя дальнейшему*

росту японского экспорта»⁶⁰. В США между 1980 и 1985 промышленный экспорт рухнул, увеличиваясь лишь на 1% в год. Импорт за тот же период рос на 15% в год, а импорт из Японии вырос с 12,5% от всего импорта в 1980 г. до 22,2% в 1986 г.⁶¹. Но, несмотря на это стимулирование японского экспорта, норма прибыли в промышленности так больше и не достигла своего докризисного рекорда, вместо этого дойдя до более низкого максимума в середине 1980-х, перед тем как рухнуть в поздние 1980-е после подписания соглашения «Плаза»⁶². В то же время общая норма прибыли тоже так больше и не восстановилась, стагнируя вплоть до своего следующего крутого падения в 1990-х⁶³.

Положение дел в американской промышленности ненадолго улучшилось после заключения соглашения «Плаза» в 1985, которое увеличило стоимость японской иены и немецкой марки, а также девальвировало доллар. Промышленность США стала на время более конкурентоспособной на мировом рынке, но новая система посеяла хаос в других местах. В разгар общей стагнации мировая промышленная торговля всё больше начинала напоминать игру с нулевой суммой, где выгоды одной страны достигались за счёт убытков других⁶⁴. Годовое изменение ВВП Японии уменьшилось вдвое с 10,2% в 1960–1969 до 5,2% в 1970-х и 4,6% в 1980-х. Уровень безработицы в Германии вырос с 0,8% в среднем в 1960-х до 2,5% в 1970-х, 5,8% в 1980-х и выше 8% в 1990-х вслед за общеевропейской тенденцией⁶⁵. В Японии уровень безработицы оставался низким как за счёт занижения статистики, так и за счёт стремительного роста сферы услуг, а также значительных расходов, которые брали на себя государство и крупные компании, дабы сохранить рабочие места⁶⁶. Напротив, в США безработица сократилась в два раза — с 9% в 1982–1983 гг. до 5% в конце

1980-х и 4% в конце 1990-х⁶⁷ .

Несмотря на то, что соглашение «Плаза» ни в коем случае не вызвало кризис в Японии, оно отчётливо дало понять, что страна всё-таки не сумела избежать проблемы перепроизводства, которая привела к обвалу нормы прибыли в начале 1970-х. Проблему вновь попытались решить за счёт притока новых государственных инвестиций в уже и без того перенасыщенное инвестициями производство. Существующие рынки перенасытились, поэтому экспортно-ориентированный рост стал единственным способом восстановить прибыльность в промышленности. Однако единственным местом приложения избыточного капитала за пределами промышленной сферы являлся спекулятивный рынок, быстро растущий за счёт увеличения сомнительных финансовых операций (дзайтеку) и кейнсианских инфраструктурных проектов. В то же время, дабы не дать прибылям упасть ещё сильнее, зарплаты были сокращены. Когда соглашение «Плаза» девальвировало доллар в 1985 г., цена иены взлетела, и экспортно-ориентированное производство Японии немало пострадало. В то время как США переживали недолгое восстановление своей промышленности, японским фирмам не оставалось ничего, кроме как направлять всё больше и больше праздного лежащего капитала в спекуляции «дзайтеку», параллельно вливая деньги в мировой рынок недвижимости и расширяя производство за границей, дабы использовать низкие обменные курсы в других странах Азии (многие из которых были привязаны к доллару). Это привело к беспрецедентному росту на фондовом рынке, притоку иностранного спекулятивного капитала в иену и образованию огромного пузыря в ценах на активы. Итогом этому стал окончательный крах «чудесной» экономики во время кризиса начала 1990-х, раз и навсегда положивший конец

всем надеждам экономистов⁶⁸ на то, что Япония окажется восходящим гегемоном, каким-то образом невосприимчивым к основополагающим законам капиталистического производства⁶⁹.

ЛЕТЯЩИЕ ГУСИ

Несмотря на то, что восхождению японской экономики в немалой степени посодействовали Соединённые Штаты, а само это восхождение проходило при благоприятной конъюнктуре международной валютной системы, региональный характер этой экспансии в конечном счёте определялся старыми моделями имперского проекта. Как было отмечено выше, реабилитированный США военный преступник Киси Нобусукэ, став премьер-министром в 1957 г., совершил поездку по Юго-Восточной Азии, закладывая основы того, что в будущем станет Азиатским банком развития. На тот момент он носился с предложением (тогда не встретившим отклика) проекта Азиатского фонда развития, смоделированного по образцу Сферы сопроцветания⁷⁰. В это же время Тайвань и Республика Корея сумели воспользоваться средствами, полученными от США, и промышленной и финансовой инфраструктурой, оставленной японцами, дабы запустить свою собственную промышленность. Обе страны скопировали японскую модель развития. В Республике Корея объединёнными усилиями государства и крупных промышленных конгломератов на манер первых «дзайбацу» были созданы «чеболи». На Тайване стратегия импортозамещения дала толчок аграрным реформам, а также позволила обеспечить защиту национальной промышленности и начать импорт новой техники, во многом повторяя стратегию развития Японии эпохи реставрации Мэйдзи, а также её послевоенной эпохи.

Постепенно фразы о «японском чуде» распространились на экономики четырёх восточноазиатских «тигров»: Республику Корея, Тайвань, Гонконг и Сингапур. Эти страны представлялись теперь в качестве «летающих гусей», где Япония летит во главе клина и передаёт технологии и финансирование ниже по цепи, обеспечивая обоюдовыгодные возможности благодаря каскаду сравнительных преимуществ: когда цена рабочей силы в одной сфере промышленности достигает непомерно высоких размеров, сфера эта может без остатка быть вывезена в менее развитую соседнюю страну вместе с самым передовым оборудованием и инфраструктурой, финансируемой государством⁷¹. Развитие это, таким образом, в значительной степени было привязано к производственным циклам и рассматривалось как постепенная эволюция производства, играющая на руку обеим странам. Политика импорта основного капитала в Японию из США дала начало этому процессу, и к 1970-м уже Япония предприняла схожую попытку экспорта капитала в экономики «тигров», а к 1990-м всё уже говорило о том, что схожее явление имеет место в Юго-Восточной Азии и даже материковом Китае.

Модель «летающих гусей» не рассматривает экономические кризисы в качестве важной переменной, если не считать нескольких коротких рецессий, с необходимостью сопровождающих крупные сдвиги в производственном цикле. Недостаточно учитывает она и влияние США, будь то непосредственные инвестиции (на военные цели) или опосредованное влияние на торговлю (соглашение «Плаза») и политику (поддержка антикоммунистических диктатур). В своём анализе трансфера технологий модель в значительной степени игнорирует как выстроенные в регионе иерархии, так и существовавшие на тот момент местные экономические связи, которые вообще

позволили провести этот трансфер. И это неслучайно. Первоначально модель «летающих гусей» была сформулирована японским экономистом Канамаэ Акамацу в 1930-е, дабы попытаться выстроить теорию мировой торговли в период растущего протекционизма и японской экспансии⁷². Несмотря на то, что в своё время эта концепция не нашла значительного отклика, она, тем не менее, была построена в унисон с концепцией «Сферы сопроцветания», а сам Канамаэ занимал ряд высоких постов в Бюро исследований Императорской армии (ответственном за статистику и разведку). После войны он был судим за военные преступления и признан невиновным, после чего в 1962 г. опубликовал свою теорию в официальном журнале Института развивающихся экономик, который был создан по инициативе японского Министерства экономики, торговли и промышленности⁷³. Концепция получила самое широкое распространение в среде японских экономистов, где она была объединена с новыми теориями производственного цикла и прямых иностранных инвестиций⁷⁴. По мере того как мировая торговля росла на фоне затяжного кризиса, теория вскоре была взята на вооружение экономическим мейнстримом на Западе, предоставляя идеологическое обоснование для политики Всемирного банка и МВФ при поддержке США.

Во всей этой модели развития проглядывает определённая закономерность. Япония предприняла первую попытку прямого инвестирования в Тайвань в конце 1950-х, по большей части в сфере электроники и машиностроения, переживавших бум в период закупочных программ Корейской войны, но потеряла свой ведущий рынок после окончания войны⁷⁵. Второй раунд промышленной реструктуризации по типу «снести и построить», теперь гораздо более значительный по своим масштабам, имел место в середине 1960-х и во

время нефтяного кризиса 1973 г. Начало этому процессу было положено подписанием Базового договора об отношениях между Японией и Кореей в 1965 г., которое позволило не только установить официальные экономические отношения между двумя странами, но и обеспечило Республику Корея рядом грантов и кредитов (на общую сумму 800 млн долл. США), направленных на строительство инфраструктуры и создание Pohang Iron & Steel Company (ныне POSCO, один из крупнейших производителей стали в мире⁷⁶). Лёгкая промышленность была вывезена из Японии в Республику Корея, Тайвань, Гонконг и т. д., в то время как японская экономика начала переориентироваться на тяжёлую и химическую промышленность (и снова при активной поддержке США и Европы). Третья фаза реструктуризации последовала за нефтяным кризисом и общим падением прибыльности в промышленности. Тяжёлая промышленность была вывезена в новые страны Центра — Республику Корея и Тайвань. Японская экономика, в свою очередь, совершила значительный экономический сдвиг, перейдя к производству электроники, транспорта и точному машиностроению на экспорт в США⁷⁷.

В результате этой третьей фазы у Японии образовалось положительное сальдо с США. Помимо этого, данный переход привёл к небывалому скачку прямого инвестирования из Японии. Столкнувшись с неподъёмными ограничениями для накопления у себя на родине, Япония увеличила объёмы экспорта своего капитала, дабы обеспечить себе бóльшую долю от всё уменьшающейся массы прибыли. Ежегодные темпы роста японских прямых инвестиций составили 28,1% в период между 1970 и 1982 гг., а к 1984 г. на Японию приходилось 17,8 % от общей массы прямых инвестиций — больше, чем у США. Совокупная стоимость её инвестиций за рубеж в период между 1951 и 1986 гг. составляла

около 106 млрд долл. США, и большая часть их приходилась на рынки Северной Америки (главным образом на облигации, ценные бумаги, недвижимость и высокотехнологичное производство), за ними шли инвестиции в Азию и Латинскую Америку⁷⁸. После подписания соглашения «Плаза» эта тенденция лишь усиливалась. Между 1986 и 1989 гг. японские ПИИ прирастали на 50 процентов в год с ежегодным оттоком, составляющим около 48 млрд долл. США⁷⁹. Официальная помощь в целях развития (как, например, гранты, предоставленные Республике Корея) также выросла за этот период: с 1 млрд долл. США в 1973 г. до 7,45 млрд долл. США в 1987 г. Примерно 70% из них были направлены в другие страны Азии, значительная часть — в форме кредитов (часто преподносившихся как послевоенные репарации)⁸⁰.

Но эти торговые поставки не осуществлялись в вакууме. В Японии они были лишь закономерной реакцией на перепроизводство, демографические проблемы и последовавшее за этим падение нормы прибыли⁸¹. Каждому циклу реструктуризации предшествовало перепроизводство в основных отраслях промышленности, а также достижение пределов демографического роста. Развитие текстильной промышленности, например, было основано на стремительном росте численности женской рабочей силы. Но к середине 1960-х этот избыток достиг своих пределов; вкуче с давлением, которое оказывала на рынок инфляция, это привело к тому, что зарплаты женщин стали расти⁸². К концу 1960-х оставшихся резервов дешёвой и незанятой рабочей силы становилось всё меньше, и в период между 1970 и 1973 номинальные зарплаты в промышленности выросли на 63 процента:

«Впервые за всю историю капиталистического развития Японии накопление

капитала стало избыточным по отношению к ограниченному ресурсу рабочей силы»⁸³.

С уменьшением миграции в Японии демографический дивиденд становился всё меньше⁸⁴, способствуя нынешнему демографическому кризису.

ТЕАТР ТЕНЕЙ

За десятилетия непрерывной рекламы концепция «летающих гусей» окончательно завоевала себе место в экономической науке. Её колониальные корни (милитаристский режим XX века) забыты, в то время как политика торгового трансфера стала в представлении экономистов просто необходимым реагентом для программ развития в бедных странах. Но летающие гуси лучше всего видятся на расстоянии, в идеале — с другого конца земного шара, в удобном кресле Вестминстерского офиса газеты «Экономист» или же в просторных залах здания ООН в Нью-Йорке — здания, построенного на земле, так щедро предоставленной Рокфеллерами. V-образная форма развития Восточной Азии не может выглядеть отчётливее, чем на таком расстоянии, и единственным занятием для таких наблюдателей становится игра в спекуляции на своеобразной гонке гусей, в которой инвесторы делают ставки на рынках валюты и недвижимости, пытаясь угадать, какая из стран выдвинется вперёд в построении «клина». Но если посмотреть чуть ближе, летающие гуси становятся всё тоньше и прозрачнее. Более того, при ближайшем рассмотрении они оказываются совсем не живыми существами, а вырезками из бумаги и кожи, используемыми в китайском театре теней (皮影戏). И, как и в случае с любой хорошей пьесой, история, которую они рассказывают, — миф, проецируемый на хрупкий экран для аплодирующей аудитории.

За экраном, однако, находятся лишь бумажные гуси, кукловод и огни факелов. Если проделать в бумаге отверстие, перед зрителями откроется лишь пустота. Неслыханным было бы заявлять о том, что «чудеса» Восточной Азии совсем не чудесны или что их модель не является такой уж судьбоносной. Но если достаточно долго смотреть в отверстие, можно увидеть те нити, что связывают летящих гусей: *все страны, которые оказывались в наибольшем выигрыше в процессе трансфера капитала, до этого играли значительную роль в имперском проекте Японии и продолжали играть её в современном той эпохе военном комплексе США.* V-образное построение было не более чем политической иерархией, навязанной Тихоокеанскому региону военной силой, а её структура и форма в конечном счёте определялись потребностями Холодной войны. Нити, связывавшие бумажные марионетки вместе, вели прямо в руки кукловода: после Второй мировой войны Соединённые Штаты *«контролировали половину всех производственных мощностей, выработки электрической энергии и денежных резервов в мире, владели двумя третями золотого запаса и добывали две трети всей нефти»*, и в течение всего лишь нескольких лет после конца войны они стали *«контролировать 48% мировой торговли»*⁸⁵. Основным интерес США заключался в сохранении гегемонии в регионе, что открыто признавалось работником Госдепа США Джорджем Кеннаном, создавшим стратегию сдерживания социализма. Кеннан считал, что, поскольку США владеет *«около 50% мирового богатства, в то время как их население составляет всего лишь 6,3% от мирового»*, страна в своей международной политике должна руководствоваться императивом *«сохранения этого диспаритета»*⁸⁶. Было бы крайне легко остановиться на этом, тыча пальцем в сторону политиков и их происков, как будто именно США были тем ухмыляющимся кукловодом, стоящим за всем этим. Такой вывод отлично демонстрирует всю ущербность

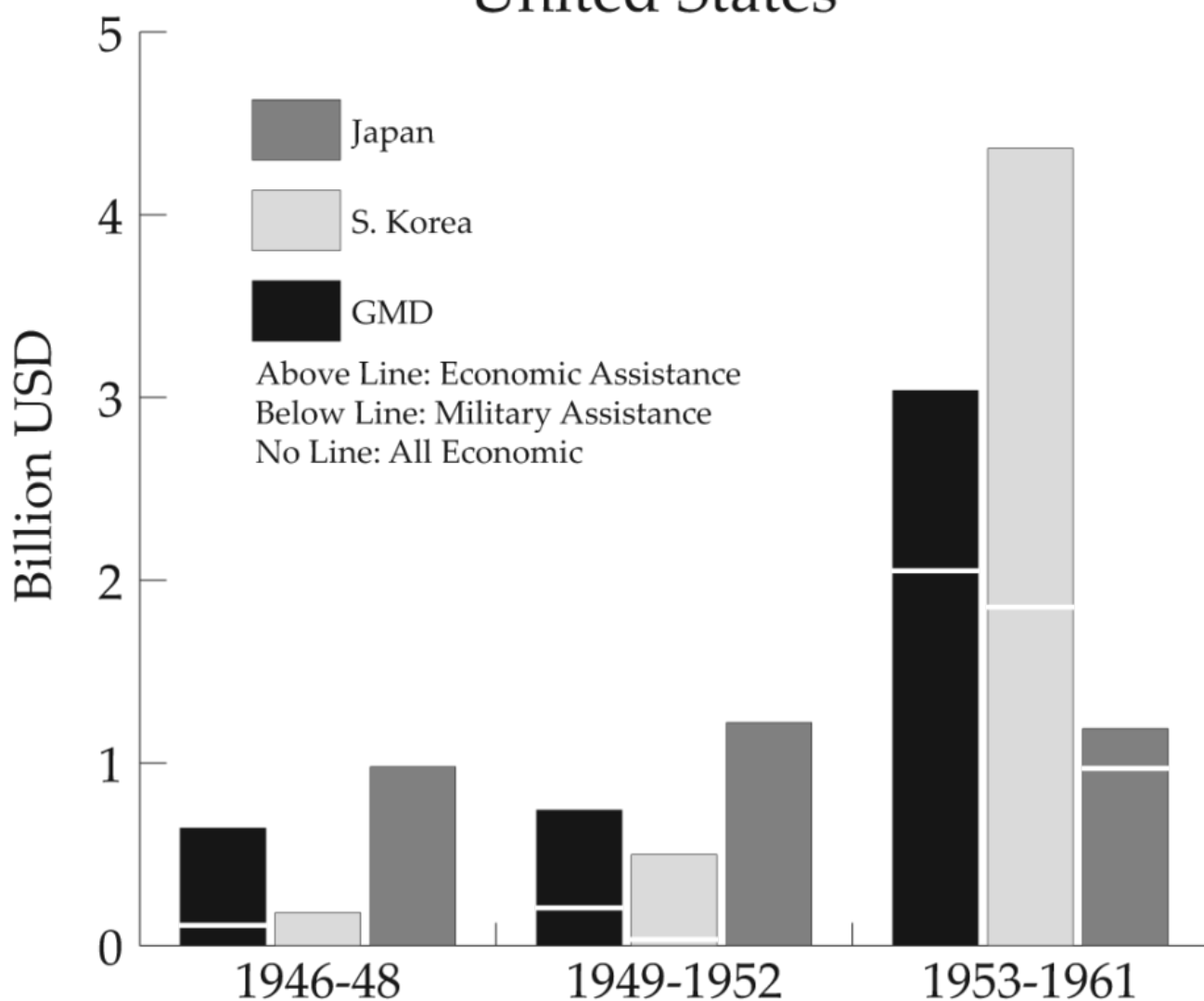
«антиимпериалистической» политики, которая удовлетворяется любым противодействием США и называет это противодействие «антикапиталистическим». Такой анализ, однако, останавливается лишь на руках кукловода, не обращая взгляд на его тело.

Правда же куда более ужасна. Проколи экран из шелковичной бумаги — и пьеса продолжится, даже несмотря на то, что на краю откроется бездна. Посмотри в бездну — и ты увидишь, как красивая история оказывается лишь хорошо проделанной махинацией, а романтика этого мифа — на поверку не более чем завуалированной историей завоеваний и убийств. Но даже вся мощь Штатов, измеряемая в ударах беспилотников или экономических саммитах, является не более чем механизмом. Геополитическая мощь империалистического гегемона в конечном итоге является не более чем руками кукловода, чуть более живыми, чем марионетки, которыми они управляют. Продолжай смотреть в бездну — и ты увидишь, как кошмарное тело кукловода обретает плоть. Вместо ухмыляющегося политикана мы видим лишь безголовое тело: его мертвенно-бледная кожа освещена оранжевым свечением факела, а мёртвые конечности движимы некромантической логикой капитала. Геополитика Холодной войны в конечном счёте определялась экономическими императивами; это значит, что программы развития, осуществлявшиеся в таких странах, как Япония, были чуть менее громоздкими (но от этого не менее прямыми) формами империалистического давления, вызванного потребностью крупнейшей мировой экономики продолжать накопление во имя материальной общности капитала. Потребность, которая теперь, на фоне расширения соцлагеря, стояла особенно остро. Кажется нелогичным то, что эти программы развития в конце концов способствовали созданию ряда внушительных конкурентов для

империалистического гегемона. Однако усматривать здесь противоречие — это значит не понимать настоящую природу гегемонии, путая руки с головой. Как и в случае с Британской империей ранее, Штаты сумели сохранить значительную экономико-политическую власть даже в процессе подготовки почвы для собственного падения. Но у кукловода нет головы. Каждый гегемон — это лишь сшитый набор частей, движущихся в интересах более обширной, разрушающей мир гегемонии капитала.

Дальнейшее развитие, таким образом, определялось готовностью действовать в соответствии с политическими интересами США, теперь — при поддержке японских инвестиций. Так же, как японская промышленность была брошена на передовую глобального производства благодаря Корейской войне, промышленное развитие в Тайване и Гонконге определялось военным сдерживанием материкового Китая. После того как КПК выиграла гражданскую войну, правительство Гоминьдана бежало на Тайвань, где оно при активной поддержке США установило режим военной диктатуры. В связи с событиями Корейской войны и двумя кризисами в Тайваньском проливе в 1950-х Тайвань стал важнейшим фронтом в первые годы Холодной войны. США не только начали патрулировать Тайваньский пролив, но и выделили значительные средства для того, чтобы стабилизировать диктатуру Чан Кайши. Эти инвестиции и в послевоенные годы были довольно значительны, теперь же, в период Корейской войны, они выросли в несколько раз, при этом значительная их доля приходилась на военную помощь (см. График 1)⁸⁷.

Direct Aid Received from United States



Source: U.S. Agency for International Development (USAID). "U.S. overseas loans and grants: obligations and loan authorizations, July 1, 1945-September 30, 2005," pp, 120, 122, 126 and 128. <http://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PNADH500.pdf>

Один бумажный гусь следовал за другим. Гонконг, гораздо более маленький, остававшийся к тому же британской колонией, тем не менее, получил 27 млн

долл. США в период с 1953 по 1961 гг. от Агентства США по международному развитию⁸⁸. Сумма, полученная Южной Кореей в период между 1953 и 1961 гг., составила более 4 млрд долл. США⁸⁹. Затем, в 1963 г., восхождение диктатора Пак Чон Хи вызвало стремительное промышленное развитие, невиданное со времён японской колонизации. В качестве образца была выбрана программа индустриализации послевоенной Японии, движущей силой которой была программа закупок в период Корейской войны, но теперь основной спрос возник с началом Второй Индокитайской войны. Пятьдесят тысяч южнокорейских солдат были переброшены в центральный Вьетнам к 1967⁹⁰. Их зарплата была в двадцать два раза выше той, что они получали бы на родине⁹¹. Это не только помогло вернуть уплаченные им деньги в корейскую экономику, но и заложило базу для заключения военных договоров о закупках для корейских *чеболей*. В некоторых из этих договоров говорилось лишь о поставке простых потребительских товаров, но во многих из них упоминались и военные инфраструктурные проекты в Юго-Восточной Азии. С Hyundai, например, был заключён договор на постройку нескольких взлётно-посадочных полос, а также целого шоссе Паттани — Наратхиват в южном Таиланде. Компания получала из США не только финансирование, но и специалистов из Инженерных войск США. Всё это позволило фирме значительно расширить масштаб своих проектов, после того как война закончилась, примером чему может послужить выполнение нескольких договоров строительного подряда на Гуаме и в Саудовской Аравии⁹².

В целом договоры с корейскими строительными фирмами в период с 1966 по 1969 гг. составили около 20 млн долл. США в год (в долларах по курсу на 1966 г.), снова достигнув пика в 17 млн долл. США в год (также по курсу на

1966 г.) в 1979–1985 гг., когда корейские чеболи при поддержке США заключили договоры на Ближнем Востоке⁹³. С 1964 по 1969 гг. совокупная военная помощь и закупки за рубежом составили 30–60% от общего валового накопления в Республике Корея, что было значительно больше, чем в какой-либо другой стране региона⁹⁴. В этом восхождении не было ничего естественно возникшего, и успех этой индустриализации нельзя объяснить лишь рыночным спросом. Это становится очевидно, если сравнить случай Республики Корея с Филиппинами той эпохи. Обе страны находились на примерно одинаковом уровне развития в 1950-х, обе были захвачены Японией и втиснуты в «Сферу сопроцветания». Но они не были равными игроками в империалистическом проекте Японии. Предпочтение было отдано завоёванной раньше корейской колонии, более низкое положение Филиппин же обосновывалось при помощи лженаучных расовых теорий. Затем, уже после войны, незаинтересованность США в Филиппинах означала, что страна так и не сумела запустить широкую программу земельных реформ, как в Японии, Республике Корея и на Тайване. Это привело к политической нестабильности прямо в сердце новообразованного режима Фердинанда Маркоса — конечно же, союзника США, но ни в коем случае не такого же надёжного, как Пак, Чан Кайши или Киси. Несмотря на то, что режим Маркоса неоднократно изъявлял желание заключить с США закупочные контракты, похожие на те, что в своё время заключили Япония и Республика Корея, Филиппины отказались предоставить своих солдат для войны в страхе перед общественной реакцией. Уже уверенная в приверженности Маркоса американским интересам и зная о бушующем недовольстве в связи с провалом земельной реформы, администрация Линдона Джонсона проигнорировала просьбы Маркоса⁹⁵.

Большая часть контрактов, таким образом, досталась Республике Корея, меньшая часть — Таиланду, который предоставил США за время войны одиннадцать тысяч солдат⁹⁶ .

Огромные инвестиции вкупе с техническим образованием и практическим опытом работы, полученным южнокорейскими фирмами в ходе войны, были важнейшей частью восхождения экономики РК. Рост её ВВП (на 14,5% в 1969 г. и на 14,82% в 1973 г.) даже превзошёл японский рост в период послевоенного бума⁹⁷ ; резкий рост нормы прибыли также превзошёл японский, демонстрируя очевидную корреляцию с ходом войны, достигнув пика в конце 1960-х, падая параллельно с ходом закупок за рубежом, а затем вновь поднявшись вверх в конце 1970-х, после того как опыт, полученный фирмами в ходе войны, был применён в гражданской экономике⁹⁸ . Статус Республики Корея как второго «летающего гуся» в построении был не более чем игрой теней. «Азиатские тигры», как и в случае с Японией до этого, были лишь марионетками, подвешенными на нитях политического покровительства и изрядного количества закупочных контрактов. Построение Восточной Азии в качестве экономического региона, таким образом, несло в себе политическую и экономическую иерархии, встроенные туда с самого начала. Но конечный облик региона ни в коем случае не должен пониматься как творение американских политиков или же каких-либо политиков вообще. Напротив, реструктуризация Тихоокеанского рубежа была лишь одним из театров в широкой экспансии материальной общности капитала.

ЛОГИСТИКА

Последовавшая волна экономических бумов в регионе, начиная с «азиатских тигров» и заканчивая Таиландом, Малайзией и Индонезией, очень сильно зависела от продолжавшейся войны в Юго-Восточной Азии и отчаянных попыток западных и японских фирм сохранить прибыльность в разгар долгой стагнации. С течением времени норма прибыли в Японии падала, а значит, продолжение накопления могло быть обеспечено лишь с помощью экспорта капитала в те новые развивающиеся страны, которые сумели получить политическое покровительство Соединённых Штатов. Конечным рынком для значительной доли японской продукции являлись Америка и Европа. Там проблема стагнирующих норм роста и прибыли вкупе с замедлившимся или стагнирующим ростом зарплат была на время решена с помощью растущей зависимости от кредитов, как частных, так и государственных. Несмотря на то, что удешевление товаров благодаря повышению производительности труда является нормальной тенденцией капиталистического развития, кредитный бум на пару со стагнирующими зарплатами ускорил этот процесс в разы. Всё более мобильные ТНК сумели найти новые нетронутые резервы рабочей силы, которые на короткий период промышленного бума можно было бы подвергнуть сверхэксплуатации, что приводило, однако, к резкому росту инфляции, а также рабочим беспорядкам. Этот период сверхэксплуатации мог быть лишь временным. Нередко он опирался на нетронутые резервы рабочей силы, созданной пережитками докапиталистических отношений в некоторых странах. Беспорядки росли по мере того, как эти резервы исчерпывались: это был процесс, часто отмеченный окончательным подчинением деревни капиталу на пару с ростом минимальной оплаты труда в городах. Этот период

нестабильности часто заканчивался военными переворотами или свержениями местных диктаторов одновременно с падением прибыльности, продолжительным ростом зарплат и коротким бумом роста ВВП, характеризующимся лихорадочным периодом спекуляций и в конце концов заканчивающимся эффектным падением, оставляющим за собой стагнацию роста и растущее неравенство. Задолго до того, как это происходило, трудоёмкие отрасли промышленности, которые давали начало всему процессу, вывозились в другие страны, запуская тем самым весь цикл заново, в новых промышленных центрах — часто в гораздо бóльших масштабах⁹⁹.

Но весь этот процесс стал возможен лишь благодаря ряду новых технических достижений, бóльшая часть которых была создана в недрах военно-промышленного комплекса США. Первыми в этом списке можно назвать рост компьютеризации и цифровых технологий вообще. Несмотря на то, что явление компьютеризации часто освещают в контексте роста рынков бытовой электроники и восхождения ПО-гигантов — США и Японии, значительная часть полученных прибылей пришла на рынок именно после того, как компьютеризация была применена к самому процессу производства. Кратковременное восстановление нормы прибыли в промышленности США возникло лишь после широкой волны закрытий фабрик с устаревшей, избыточной и дорогостоящей техникой. Это происходило в годы завышенного курса доллара и беспрецедентно высоких процентных ставок, которые установил председатель ФРС Пол Волкер в начале 1980-х. К моменту подписания соглашения «Плаза» производительность значительно увеличилась (на 3,5% в год в период с 1979 по 1985 гг.) не только за счёт закрытия непроизводительных предприятий, но и благодаря повсеместным сокращениям

на новых компьютеризированных фабриках. После того как соглашение «Плаза» способствовало повышению конкурентоспособности производства США на мировом рынке, инвестиции постепенно начали возвращаться в промышленность и как производительность, так и прибыльность в ней прошли период возрождения (хотя по историческим меркам ненадолго и не всерьёз)¹⁰⁰. Необрабатывающие отрасли промышленности в значительной степени отставали во внедрении новых производственных технологий, но к середине 1990-х даже в этих отраслях производительность дошла в среднем до 2,4% за год, что чуть ниже уровней роста в период послевоенного бума¹⁰¹.

Но само это восстановление в значительной степени стало возможным благодаря тому, что американская промышленность стала конкурентоспособной на мировом уровне. Это, в свою очередь, стало возможным благодаря ряду технических достижений в морских перевозках и логистике, достижений, разработанных американскими военными в период между Второй мировой и Корейской войнами и войной в Индокитае. Ключевым среди них являлась контейнерная перевозка (контейнеризация), начавшаяся с изобретением и распространением стандартизированных грузовых контейнеров, — *«технология, которую многие называли важнейшим техническим достижением, положенным в основу глобализации торговли»*¹⁰². Контейнер — наряду с новыми компьютеризированными системами управления «точно в срок» (JIT) и координацией больших портов и складских помещений — снизил издержки дальних морских перевозок и создал новую систему торговли, сосредоточенную вокруг сети крупнейших морских портов. В этом смысле Тихоокеанский рубеж получил совершенно новую роль в Азии и США теперь, когда смешанные сети по типу «океан — железная дорога — грузовик» стали вытеснять (хотя так и не

вытеснили полностью) краткосрочные системы прибрежной, речной и железнодорожной торговли, которые служили экономическому росту по обеим сторонам Тихого океана в предыдущие эпохи. Небольшие порты побережья постепенно лишились дохода, и с течением времени мелкие прибрежные города в США и Канаде обратились в морские «ржавые пояса».

Сегодня девять из десяти крупнейших контейнерных терминалов находятся в странах Тихоокеанского рубежа, и при этом шесть из них приходится на материковый Китай. Но самые первые контейнерные порты находились в послевоенных прибрежных промышленных комплексах Японии и, позднее, в портовых городах «азиатских тигров». В 1967 г. Nippon Container Terminals открыла предприятие в порту Токио, что сделало его одним из первых, задействовавших контейнерные перевозки. К 1970-м порт Кобэ (в агломерации Осаки) станет одним из самых загруженных в мире, только чтобы затем быть вытесненным портами Гонконга, Сингапура и Пусана в середине 1980-х, а с наступлением 2000-х — прибрежными портами Китая. В Северной Америке крупные портовые города процветали даже несмотря на то, что их более мелкие партнёры, не подвергшиеся контейнеризации, медленно уходили в небытие. К началу 1970-х порты Лонг-Бич и Лос-Анджелеса разрослись до ужасающих размеров, порт Окленда заменил порт Сан-Франциско, в то время как торговые порты Лонгвью, Такомы и Сиэтла вытеснили систему морских перевозок по течению реки Колумбия на Тихоокеанском северо-западе. Значимость этого явления нельзя недооценивать: без развитой судоходной инфраструктуры на побережье Китай так никогда и не смог бы начать своё превращение в глобальный промышленный узел.

Несмотря на необходимость, география этого логистического комплекса не была случайной, и роль, которую играли в этом процессе американские Вооружённые силы, нельзя отрицать. Контейнеризация (и «логистическая революция» в более широком смысле) получила своё начало как своеобразный эксперимент в системе военных закупок: первые наброски были сделаны ещё во Вторую мировую, инфраструктура создана в Корейскую войну, а стоимостные цепочки Тихого океана налажены во Вьетнаме¹⁰³. Участие Японии, а затем и Кореи в программах военных закупок США означало, что промышленные бумы экономик этих стран не только могли извлечь выгоду из вливаний капитала, но также с самого начала создавались так, чтобы наиболее лучшим образом удовлетворять запросы глобальной торговли. Японские фирмы использовали это в свою пользу, соединяя быстрое производство «на заказ» с эффективным распределением через свои прибрежные промышленные комплексы. Эти стоимостные цепочки были связаны с потребительским рынком Америки системой дальних морских перевозок. Отличным примером этому может послужить порт Лонг-Бич, который стал западным распределительным центром для Toyota в начале 1970-х.

В то время как корейские *чеболи*, подобные Hyundai, быстро росли на договорах строительного подряда с ВС США, такие фирмы как Hanjin, обеспечивали Штаты сухопутными, морскими и воздушными транспортными услугами. Это дало Hanjin опыт работы с первыми контейнерными перевозками, а затем — со строительством контейнерных судов, что позволило этому *чеболю* превратиться в одного из крупнейших мировых контейнерных перевозчиков, которым он оставался до своего банкротства в 2017 г. В то же время Сингапур и Гонконг пустили в эксплуатацию свои большие глубоководные порты и хорошо

отлаженные межкультурные деловые сети с целью ускорить собственную индустриализацию. Оба города-государства довольно быстро сумели осуществить вывоз своего производства (в Малайзию и материковый Китай), став, таким образом, глобальными центрами управления, логистики и финансов. Гонконг вскоре стал играть ключевую роль в экспорте капитала в Китай и экспорте товаров из Шэньчжэня и других особых экономических зон.

Революция в логистике в значительной степени была продуктом долгого падения прибыльности по всему миру. Развитие Тихоокеанского рубежа не только способствовало перемещению производства на территории с незатронутыми резервами дешёвого труда, но и усилило скорость оборота капитала. Оба фактора сумели на время ослабить тенденцию нормы прибыли к понижению. Дешёвый труд позволил накапливать больше стоимости в непосредственном процессе производства, в то время как ускорение оборота капитала (от инвестирования к производству товара, а затем к реализации прибыли, или $D - T - D'$ в схеме Маркса) позволило фирмам извлекать больше стоимости за период времени посредством увеличения скорости, с которой произведённая стоимость реализуется на рынке. Вместе с техническими инновациями в самом производстве эти факторы позволили замедлить и даже ненадолго обратить вспять глобальное падение нормы прибыли, по крайней мере, на время. На локальном уровне они также способствовали быстрому увеличению темпов роста и национальных норм прибылей, в основном, в странах Тихоокеанского рубежа. Но без того массового уничтожения, которое предшествовало послевоенному буму, общее восстановление нормы прибыли оказалось бы недолговечным, а местные всплески роста в странах Тихоокеанского рубежа закончились каскадом кризисов по всему региону,

начиная с японского кризиса в 1990-м.



Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. Подробнее об этом периоде: Mark E. Lewis, *China Between Empires: The Northern and Southern Dynasties*. Belknap Press, 2011. ↩
2. См: Aat Vervoorn, *Men of the Cliffs and Caves: The Development of the Chinese Eremitic Tradition to the End of the Han Dynasty*, Hong Kong, The Chinese University Press, 1990. ↩
3. См.: Се Линъюнь «Фу после возвращения с гор». ↩
4. См. «*Sorghum and Steel: The Socialist Developmental Regime and the Forging of China*», *Chuang*, Issue 1: Dead Generations. 2016. ↩
5. См., в частности, там же, Раздел 3 и 4 ↩
6. Ричард Ку, *Священный Грааль макроэкономики: уроки великой рецессии в Японии*, Wiley & Sons, 2009. стр. 185. ↩
7. Это явно или неявно предполагается большинством прогрессистов сегодня и является основанием для множества научных работ об этом периоде. Например, см.: Дэвид Харви, *Краткая история неолиберализма*, New York: Verso, 2005. ↩

8. Wei, Shang-Jin, «Foreign Direct Investment in China: Sources and Consequences» in *Financial Deregulation and Integration in East Asia*, University of Chicago Press, 1996, с. 81. ↩
9. См.: Lin, George C. S., *Red Capitalism in South China: Growth and Development of the Pearl River Delta*, UBC Press, 1997. ↩
10. К 2008 этот остаток был непосредственно инкорпорирован в рыночную систему или полностью изменён ею. Волна переселений в сельской местности, проводимая в настоящее время режимом Си Цзиньпина (под лозунгом «уничтожения бедности на селе») смывает последние ошметки этой системы местных хозяйств, переселяя целые деревни на новые места жительства, где натуральное хозяйство заменено рыночными отношениями и зависимостью от государственного аппарата. ↩
11. Шэньчжэньская биржа существовала неформально ещё с 1987-го, но была официально признана лишь в 1990-м. ↩
12. Термин был введён палеонтологами Стивеном Гулдом и Элизабет Вэрба, дабы заменить чрезмерно телеологический термин «преадаптация». Он стал важным элементом в более обширной теории Гулда об эволюционном процессе, который характеризуется «прерывистым равновесием», теорией, изложенной в его *Структуре эволюционной теории*. ↩
13. См. «Sorghum & Steel», конкретнее — разделы, посвящённые шанхайским забастовкам, **во второй части**. ↩
14. Стоит упомянуть и о периоде общего возрождения материковой торговли в период правления Юань и при более поздних династиях. Но морская торговая сеть, созданная в период Южной Сун, продолжала играть важную роль на протяжении всего периода правления Мин и Цин, даже несмотря на часто предпринимаемые попытки ограничить силу купцов, пиратов и

полунезависимых сообществ, использовавших эти торговые маршруты. ↩

15. Это краткий пересказ сложной и интересной истории. Самый лучший источник информации касательно этого восхождения и роли, которую играл в нём Чжэн, см.: Hang Xing, *Conflict and Commerce in Maritime East Asia: The Zheng Family and the Shaping of the Modern World, c. 1620–1720*, Cambridge University Press 2016. ↩
16. Семейство Чжэн очень долго играло посредническую роль в этой торговле и в какой-то степени сумело сформировать альтернативный политико-торговый центр, который бы мог послужить основанием для перехода к капитализму, если бы Чжэн сумели удержать свою базу на Тайване и заключить соглашение с Цин. Подробнее об этом см. Hang 2016. ↩
17. Rhoads Murphey, *East Asia: A New History*, Pearson Longman, p.151. ↩
18. Robert Nield, *The China Coast: Trade and the First Treaty Ports*, Joint Publishing (HK) Co, 2010. pp. 10–11. ↩
19. Там же, p.15. ↩
20. Elizabeth Perry, *Anyuan: Mining China's Revolutionary Tradition*, University of California Press, 2012. p. 20. ↩
21. Существует большое количество трудов, которые спорят о конкретной природе Реставрации Мэйдзи и её роли в системе глобального капитализма. В этой дискуссии участвовали учёные-марксисты со всего мира, но особенно важной эта дискуссия была для марксизма в послевоенной Японии, поскольку взгляды на природу феодализма и ранней индустриализации в Японии способствовали формированию главных разделительных линий между различными течениями марксистской мысли. Обобщение этой дискуссии между японскими марксистами можно посмотреть здесь: Makoto Itoh, *The World Economic Crisis and Japanese Capitalism*, Macmillan, 1990. pp. 150–155. ↩

22. Это была точка зрения многих марксистов в послевоенной Японии. Впервые она была популяризирована известным западным учёным Э. Г. Норманом в его работе *Japan's Emergence as a Modern State* (1940). ↩
23. Сравнение этого упадка с последними тенденциями в глобальной торговле — см. Kevin O'Rourke, «[Government policies and the collapse in trade during the Great Depression](#)», *Center for Economic and Policy Research*, 27 November 2009. ↩
24. Более подробный анализ экономического характера Японской империи — см.: Ramon H. Myers and Mark R. Peattie, eds., *The Japanese Colonial Empire, 1895–1945*, Princeton University Press, 1984; and Chih-ming Ka, *Japanese Colonialism in Taiwan: Land Tenure, Development and Dependency*, Westview, 1995. ↩
25. Mark Selden, «[Nation, Region and the Global in East Asia: Conflict and Cooperation](#)», *Asia Pacific Journal*, Volume 8, Issue 41, Number 1, 11 October 2010. ↩
26. Множество до- и протокапиталистических представлений о регионе существовали и до этого. Представления эти во многом основывались на торговых маршрутах в Южно-Китайском море и даннических отношениях с материковыми империями. Но многие из крупных городов этой ранней региональной интеграции (Манила, Малакка, Ханой) оказались вне сферы капиталистической Восточной Азии как при японском, так и американском империалистических проектах. Более подробный анализ этой эволюции региона — см.: Mark Selden, «[East Asian Regionalism and its Enemies in Three Epochs: Political Economy and Geopolitics, 16th to 21st Centuries](#)», *The Asia-Pacific Journal*, Volume 7, Issue 9, Number 4, 25 February, 2009. ↩
27. Masato Shizume, «[The Japanese Economy during the Interwar Period: Instability in the Financial System and the Impact of the World Depression](#)», *Bank of Japan Review*, *Institute for Monetary and Economic Studies*, May 2009. ↩
28. Измерение нормы прибыли является основным методом, к которому прибегают

марксистские экономисты, для того чтобы измерить прибыльность в тех или иных сферах промышленности или национальных экономиках в целом, при этом падение в норме прибыли связывают с периодами повышения производительности. Часто его измеряют в сочетании с «нормой накопления», часто отражаемой ежегодной нормой роста основного капитала. До сих пор идут активные споры о том, как лучше всего измерить норму прибыли и имеет ли на самом деле место тенденция нормы прибыли к понижению. Хотя идеальным является измерение с использованием стоимостных понятий, в большинстве расчётов используются корреляции между значениями, заимствованными из статистики экономического мейнстрима. Базовую формулу можно представить как простое вычисление чистой прибыли (как замену прибавочной стоимости), поделённой на [основные фонды] (как замену основному постоянному капиталу, оборотному постоянному капиталу и зарплате). ↩

29. Падение явно прослеживается в расчётах, если мы включаем в определение прибыли корпоративную и некорпоративную прибыль, чистый процент и ренту (это практически чистый внутренний продукт минус расходы на заработную плату) [над] основными фондами, измеряемыми чистым объёмом капитала частного нежилищного основного капитала, сглаженными за 10 лет в скользящем среднем показателе. См. 2 график в Minqi Li, Feng Xiao and Andong Zhu, «Long Waves, Institutional Changes, and Historical Trends: A Study of the Long-Term Movement of the Profit Rate in the Capitalist World-Economy», *Journal of World-Systems Research*, Volume XIII, Number 1, 2007, pp. 33–54. ↩
30. Стагнация особенно отчётливо выявляется в расчётах, которые используют чуть более широкое определение основных фондов (как и те, которые сглажены в среднем показателе за 10 лет), например: Esteban Ezequiel Maito, «**The historical**

- transience of capital: the downward trend in the rate of profit since XIX century», MPRA, 2014. ↩
31. График 2.2 в работе Arthur J. Alexander, «Japan's Economy in the 20th Century», Japan Economic Institute Report, No. 3, 21 January, 2000. ↩
32. Shizume 2009, Chart 1. ↩
33. Alexander 2000, Figure 2.2. ↩
34. Это прослеживается как у Maito 2014, так и у Li et. al. 2007. ↩
35. Shizume 2009. ↩
36. Richard Sims, *Japanese Political History Since the Meiji Restoration 1868–2000*, Palgrave Macmillan, 2001. ↩
37. Влияние Германии проявлялось как на теоретическом, так и на практическом уровне: немцы составляли значительную часть иностранных консультантов ещё в эпоху Мэйдзи (oyatoi gaikokujin), поскольку они были наняты японским правительством, дабы получить важный технический опыт. В то же время немецкие теории государства помогли структурировать раннюю японскую политическую теорию. См.: Germaine A. Hoston, «Tenkō: Marxism & the National Question in Prewar Japan», *Polity*, Volume 16, Number 1, Autumn 1983, pp. 96–118. ↩
38. Janis Mimura, «Japan's New Order and Greater East Asia Co-Prosperity Sphere: Planning for Empire», *The Asia-Pacific Journal*, Volume 9, Issue 49 Number 3, December 5, 2011. ↩
39. Несмотря на все разговоры о кооперации между японцами, китайцами и маньчжурами, Киси был ярким сторонником расовой теории Ямато, которая рассматривала китайцев как неполноценную расу, годную лишь для предоставления секс-услуг и ручного труда. В качестве управленца при колониальной Маньчжурии в 1937 г. он подписал указ, фактически

легализующий использование рабского труда. На протяжении всего хода войны миллионы китайских рабов были направлены на работы в огромные промышленные районы. Киси прибегнул к этой практике ещё раз после своего возвращения в Токио, отправив полмиллиона корейских рабов на работы в Японию. Многие из них погибли. ↩

40. Michael Schaller, «*America's Favorite War Criminal: Kishi Nobusuke and the Transformation of U. S.-Japan Relations*», *Japan Policy Research Institute*, Working Paper Number 11, July 1995. ↩
41. Необходимо заметить, что влияние Киси можно ощутить в Японии и по сей день. Так, Либерально-демократическая партия остаётся у власти с 1955 г. Сегодня партия не только находится у власти: с 2012 по 2020 гг. её возглавлял внук Киси Синдзо Абэ. ↩
42. Richard Walker and Michael Storper, *The Capitalist Imperative: Territory, Technology and Industrial Growth*, Wiley-Blackwell, 1991. ↩
43. Deborah Cowen, *The Deadly Life of Logistics: Mapping Violence in Global Trade*, University of Minnesota Press, 2014. ↩
44. Makoto Itoh, *The World Economic Crisis and Japanese Capitalism*, Macmillan, 1990. p. 145. ↩
45. Там же, p. 140. ↩
46. Там же pp. 141–142. ↩
47. Там же p. 142. ↩
48. Li et. al. 2007, Figure 2 and Maito 2014, Figure 3. ↩
49. Robert Brenner, *The Boom and the Bubble: The US in the World Economy*, Verso, 2002. Figure 1.1. ↩
50. Числа взяты из Alexander 2000, График 2.2. Этот график даёт несколько более консервативные оценки, так, Всемирный банк рассчитывает пик валового

накопления основного капитала ближе к 40%, используя ВНП, а не внутренние инвестиции и ВНП. Это можно сравнить с почти стагнирующим, медленно падающим показателем США, составляющим почти 20% от уровня 1960-х до настоящего времени. ↩

51. И даже общая природа этого бума часто ставилась под вопрос многими учёными. Например, см.: Michael J. Webber and David L. Rigby, *The Golden Age Illusion: Rethinking Postwar Capitalism*, The Guilford Press, 1996. ↩
52. Itoh 1990. ↩
53. Michael Roberts, *The Long Depression: Marxism and the Global Crisis of Capitalism*, Haymarket Books, 2016. ↩
54. Brenner 2002. ↩
55. Robert Brenner, «What is Good for Goldman Sachs is Good for America: The Origins of the Current Crisis», 2009. ↩
56. Maito 2014, Figures 2–5. ↩
57. Brenner 2002, Figure 1.1. ↩
58. Maito 2014, Figure 3. ↩
59. Li et. al. 2007, Figure 2, Brenner 2002, Figure 1.1. ↩
60. Brenner 2002, p. 54. ↩
61. Там же, p. 56. ↩
62. Там же, Figure 1.1. ↩
63. Li et. al. 2007, Figure 2, Maito 2014, Figure 3 and Dave Zachariah, «Determinants of the average profit rate and the trajectory of capitalist economies», *Bulletin of Political Economy*, Volume 3, Number 1, 2009, Figures 4 and 18. ↩
64. Там же, p. 95. ↩
65. Там же, Table 1.10. ↩
66. Там же, 1990, p. 169. ↩

67. См. данные Бюро трудовой статистики США в обзоре «Labor Force Statistics from the Current Population Survey». ↩
68. Краткий список таких работа включает: Ezra Vogel's *Japan as Number One* (1979), Herman Kahn's *The Emerging Japanese Superstate* (1970), and P. B. Stone's *Japan Surges Ahead: The Story of an Economic Miracle* (1969). Краткое обобщение — см. Itoh 1990, pp. 137–139. ↩
69. Itoh 1990, pp. 168–179 and Brenner 2002, pp. 96–111. ↩
70. Schaller 1995. ↩
71. На Западе эта идея впервые была популяризирована Брюсом Камингсом в его работе «The Origins and Development of the Northeast Asian Political Economy: Industrial Sector, Product Cycles and Political Consequences», *International Organization*, Number 38, Winter 1984. ↩
72. Mitchell Bernard and John Ravenhill, «Beyond Product Cycles and Flying Geese: Regionalization, Hierarchy and the Industrialization of East Asia», *World Politics*, Number 47, January 1995. pp.171–209. ↩
73. Kaname Akamatsu, «A historical pattern of economic growth in developing countries», *Journal of Developing Economies*, Volume 1, Number 1, March — August 1962. pp. 3–25. ↩
74. Рассмотрение дальнейшего развития этой концепции в Японии — см. работу ученика Канама Кодзимы Киёси и экономиста Ямадзавы Иппэя. В дальнейшем эти разработки станут ключевым элементом теории «Новой структурной экономики», созданной тайваньцем Джастином Ифу Линем, перебежавшим в КНР в 1979 г. и работавшим главным экономистом Всемирного Банка в период с 2008-го по 2012-й. ↩
75. Bernard and Ravenhill 1995, p.179. ↩
76. Miki Y Ishikida, *Toward Peace: War Responsibility, Postwar Compensation, and Peace*

- Movements and Education in Japan*, iUniverse Inc. 2005. p. 21. ↩
77. Martin Hart-Landsberg and Paul Burkett, «Contradictions of Capitalist Industrialization in East Asia: A Critique of „Flying Geese“ Theories of Development», *Economic Geography*, Volume 74, Number 2, April 1998. p. 92. ↩
78. Itoh 1990, pp. 225–228. ↩
79. Bernard and Ravenhill, p. 181. ↩
80. Itoh 1990, pp. 225–228. ↩
81. Brenner 2002, Fig. 1.1. ↩
82. Hart-Landsberg and Burkett 1998, p. 92. ↩
83. Itoh 1990, p. 164. ↩
84. Демографический дивиденд — это по сути своей расчёт рабочего населения по отношению к нуждающемуся населению (соотношение между кормильцами и иждивенцами), поскольку он относится к сдвигам в экономическом развитии. Вместе с тем, как экономика продолжает развиваться, уровень смертности падает, но уровень рождаемости первоначально остаётся высоким, что приводит к демографическому буму. Поколение «бумеров» вступает на рынок труда, предоставляя фирмам значительный резервуар трудовых ресурсов, удешевлённых конкуренцией между работниками. Это, в свою очередь, приводит к росту личных сбережений и повышению спроса на внутреннем рынке. ↩
85. Kiernan 2017, p. 397. ↩
86. Цитировано там же, p. 397. ↩
87. Данные Гоминьдана освещают как материк, так и Тайвань, см.: *U. S. Agency for International Development (USAID)*. «*U. S. overseas loans and grants: obligations and loan authorizations, July 1, 1945 — September 30, 2005*», p. 122 and p. 126. ↩
88. Там же, p. 120. Гораздо бóльшую роль в этом процессе сыграли капиталисты,

которые бежали с материка и основали новые производства в текстильной промышленности на территории Гонконга. ↩

89. Там же, р. 128. См. график 1 для сравнения. ↩

90. Heonik Kwon, «Vietnam's South Korean Ghosts», *The New York Times*, 10 July 2017. ↩

91. Jim Glassman and Young-Jin Choi, «The chaebol and the US military-industrial complex: Cold War geopolitical economy and South Korean industrialization», *Environment and Planning A*, Volume 46, 2014. p. 1166. ↩

92. Там же, pp. 1170–1172. ↩

93. Там же, График 2. ↩

94. Там же, График 5. ↩

95. Там же, р. 1176. ↩

96. Kiernan 2017, р. 436. ↩

97. По подсчётам ОЭСР. ↩

98. Maito 2014, График 4. ↩

99. Kevin Gray, *Labour and development in East Asia*, Routledge 2014. ↩

100. Brenner 2002, pp. 59–75. ↩

101. Там же, р. 80. ↩

102. Deborah Cowen, *The Deadly Life of Logistics: Mapping Violence in Global Trade*, University of Minnesota Press 2014. p. 31. ↩

103. Cowen 2014, р. 41. ↩